2457.5

ДѢЛА НАШИ СЪ ТУРКАМИ

(ИСТОРИЧЕСКО-ВОЕННЫЙ ОЧЕРКЪ)

ИЗДАНЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Л. Я. БУГАЙСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ СТРЕМЯННАЯ 12
1878

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 сентября 1877 г.

Ф29982-43

2007042800

СОДЕРЖАНІЕ

Происхожденіе турокъ и образованіе Оттоманской Порты.—Первые сношенія Московскаго государства съ Турціею въ XV вѣкѣ при царѣ Иванѣ III.—Султанъ Селимъ и война его съ Россіею, при царѣ Иванѣ IV Грозномъ.—Замыслы царя Бориса Годунова и Лжедимитрія I предпринять походъ противъ исконныхъ враговъ христіанства.—турокъ.—Казачество и дѣла казаковъ противъ крымцевъ и турокъ.—Богданъ Хмѣльницкій и присоединеніе Малороссіи.—Султанъ Магометъ IV и войны его съ русскими при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Бахчисарайскій договоръ въ 1681 г.—Московскій вѣчный міръ съ Польшею и Крымскіе походы при царевнѣ Софьѣ Александровнѣ.—Азовскіе походы при царѣ Петрѣ I.—Петръ Великій на Прутѣ и Прутскій договоръ въ 1711 г.—Походы противъ турокъ въ царствованіе императрицы Анны Ивановны и условія бѣлградскаго мира въ 1739 г.—Первая война съ Турціею въ царствованіи императрицы Екатерины II. Великой. Причины войны. Румянцевъ. Чесменскій бой. Кучукъ-Кайнарджикскій миръ и условія его въ 1774 г.—Вторая война съ Турціею при Екатеринѣ Великой. Причины ея. Греческій проэктъ. Потемкинъ. Суворовъ и его побѣды. Миръ въ Яссахъ и условія его въ 1791 г.—Отношеніе Россіи къ Турціи въ царствованіе императора Павла I. Суворовъ въ Швейцаріи.—Султанъ Махмудъ II и война его съ русскими при императорѣ Александрѣ I Благословенномъ. Миръ въ Бухарестѣ въ маѣ мѣсяцѣ 1828 г.—Возстаніе грековъ. Князь Александръ Ипсиланти. Наваринскій бой и уничтоженіе турецкаго флота. Императоръ Николай I. Война съ турками въ 1828 г. Переходъ черезъ Дунай. Графъ Дибичъ-Забалканскій и его побѣды.—Графъ Паскевичъ Эриванскій. Взятіе Ерзерума, Ахалцыха и Карса. Миръ въ Адріанополѣ въ 1829 г.—Возстаніе

египетскаго вице-короля противъ султана Махмуда II. Императоръ Николай I посылаетъ ему вспомогательное войско.—Восточная война 1853—1856 года. Причины ея. Манифестъ государя императора. Переходъ черезъ Дунай и осада Силистріи.—Синопскій бой. Снятіе осады Силистріи и выходъ русскихъ войскъ изъ Валахіи и Молдавіи. Военныя дѣйствія на Закавказской границѣ, Побѣды кн. Бебутова и Андроникова.—Битва при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ и Кюрукъ-Дара.—Генералъ Муравьевъ. Осада и сдача Карса.—Геройская оборона Севастополя противъ союзныхъ армій.—Генералъ Хрулевъ. Дѣло подъ Евпаторіей и Сакскаго авангарда съ турками.—Парижскій миръ и условія его въ 1856 г.—Причины настоящей войны.

Событія настоящаго времени, ознаменованныя кровавою борьбою съ исконными безчеловѣчными врагами христіанства, турками, на поляхъ Болгаріи за Дунаемъ, въ горахъ и равнинахъ Малой Азіи, вполнѣ заслуживаютъ систематической группировки всѣхъ столкновеній и войнъ Россіи, какъ представительницы интересовъ христіанскихъ, съ Оттоманскою Портою.

Первыя отношенія наши съ этимъ государствомъ завязались еще въ XV столѣтіи, когда напоръ дикихъ турецкихъ ордъ, сокрушивъ Константинопольскую имперію, утвердилъ турецкое владычество на Балканскомъ полуостровѣ. Постоянное вниманіе Россіи къ защитѣ христіанъ никогда не ослабѣвало. Забота эта вполѣ высказалась и въ настоящей войнѣ. Нынѣ великое историческое дѣло „Восточный вопросъ“ вступилъ въ окончательный фазисъ, отъ рѣшенія котораго всѣ Балканскіе христіане, родственные по племени и вѣрѣ державѣ русской, послѣ вѣковыхъ мученій и варварскаго

гнёта, получитъ наконецъ свободу и общечеловѣческія права, для своего нравственнаго и матеріальнаго развитія, и войдутъ въ семью государствъ европейскихъ.

Группировка всѣхъ совершившихся, до настоящаго времени, событій съ этими варварами въ одинъ послѣдовательный историческо-военный разсказъ, представляется по самому уже современному интересу,—вполнѣ умѣстною.

П. Бугайскій.

Распространеніе въ народѣ вѣрнаго пониманія славныхъ страницъ его исторіи, есть одна изъ важнѣйшихъ сторонъ его нравственнаго воспитанія. Распространеніе въ войскахъ знанія великихъ подвиговъ военной доблести, съ цѣлью сроднить съ ними каждаго солдата, есть важнѣйшая сторона военнаго образованія войска.

Слова В. К. Цесаревича къ севастопольцамъ о доставленіи рукописей о славной оборонѣ Севастополя.

Въ половинѣ XIII вѣка, одна турецкая орда, подъ предводительствомъ Сулеймана, покинувъ кочевья свои въ Хорасанѣ *), передвинулась на западъ, въ Арменію. Мало-по-малу, она овладѣла сосѣдними землями и завоевала малоазіатскія провинціи Константинопольской имперіи, по берегамъ Мраморнаго моря. По имени Сулейманова внука Османа, эти турки стали называться османскими (Османлы). Впервые, они утвердились на европейскомъ материкѣ при султанѣ Урханѣ, завоевавъ въ 1357 г. городъ Галлиполи и овладѣвъ полуостровомъ вдоль Дарданельскаго пролива **), и отсюда уже начали распространять свое владычество на сѣверъ вдоль рѣки Марицы, утвердивъ свою столицу въ Адріанополѣ. Подвигаясь далѣе на сѣверъ, султанъ Мурадъ обратилъ всѣ свои силы на завоеваніе славянскихъ государствъ — Болгаріи и Сербіи, и послѣ великой битвы на Косовскомъ полѣ, въ 1389 г., гдѣ турки разбили наголову сербскаго короля Лазаря, оба эти государства вскорѣ обращены были въ турецкія провинціи. Только небольшое княжество Черногорское, по своему непри-

*) Сѣверовосточная часть Персіи, при Каспійскомъ морѣ.
**) Въ древности—Херсонесъ Оракійскій.

ступному положенію, богатырски отстояло свою независимость противъ всѣхъ усилій оттомановъ.

Въ половинѣ XV вѣка, Византійская имперія, утративъ всѣ свои другія владѣнія, уже состояла только изъ столицы Константинополя и небольшой окрестной области между Чернымъ и Мраморнымъ морями. Султанъ Магометъ II, окончательно покорившій Сербію, рѣшился покончить и съ Константинополемъ; онъ осадилъ его громадными силами въ 250 тысячъ войска. Послѣдній императоръ Константинъ XI рѣшился защищаться отчаянно, но противъ турецкихъ полчищъ могъ выставить только 7000 воиновъ для обороны воротъ, башенъ и городскихъ стѣнъ, раскинутыхъ на большомъ пространствѣ. Оказавъ чудеса храбрости, онъ палъ въ битвѣ; Константинополь былъ взятъ турками 29 мая 1453 года, и тогда на мѣсто креста Христова—засіялъ полумѣсяцъ пророка Магомета...

Такимъ образомъ, на земляхъ нѣкогда могучей Византійской имперіи водворилась грозная турецкая держава, обнимавшая Балканскій полуостровъ, съ Пелопонесомъ и сѣверными берегами Чернаго моря, Малую Азію, Сирію, Египетъ и Варварійскія владѣнія въ Африкѣ.

Османскіе турки, отличаясь дикою храбростью, съ полнымъ изувѣріемъ ненавидѣли христіанъ. Военное устройство у нихъ, по тому времени, было превосходно. Султаны, собирая съ покоренныхъ земель дань, требовали къ себѣ лучшихъ мальчиковъ-христіанъ, которые воспитывались при султанскомъ дворѣ въ правилахъ магометанской религіи и обучались военному искусству. Здѣсь забывали они свое происхожденіе, знали только одного султана, получали отъ него богатое содержаніе

и всецѣло отдавались волѣ падишаха, горячо и преданно исполняя всѣ его повелѣнія. Изъ нихъ-то и составленъ былъ корпусъ постоянной пѣхоты, подъ именемъ „янычаръ“, ужасныхъ по храбрости и воинственному одушевленію; они составляли въ то время лучшую пѣхоту въ мірѣ, сами же турки какъ отрасль кочеваго народа, славились многочисленной и превосходной конницей.

Главнымъ поприщемъ столкновенія христіанъ съ турками были: Сербія, Валахія, Молдавія, Венгрія, Польша и земли, составляющія нынѣ Австрійскую имперію *). Еще въ 1529 г. воинственный султанъ Солиманъ I, опустошивъ Венгрію, дошелъ до самыхъ воротъ столичнаго города всей Австріи—Вѣны. Началась осада, но безъ успѣха, и двухъ-сотъ тысячная армія Солимана, удовольствовавшись губительнымъ грабежемъ, ушла къ берегамъ Дуная.

Такимъ образомъ, расширяя свои владѣнія, Турція, при нападеніяхъ своихъ на земли уже сосѣднія нашимъ границамъ, неминуемо должна была придти въ столкновеніе съ интересами Россіи, хотя въ-началѣ государство наше, еще неокрѣпшее, старалось всѣми силами избѣгать непріязненныхъ отношеній съ могучими врагами всего христіанства.

По взятіи Константинополя турками, братъ убитаго на стѣнахъ его императора Константина, Ѳома Палеологъ, нашелъ съ семействомъ убѣжище въ Римѣ. У него была красавица-дочь Софья, которую папа Павелъ II предложилъ въ супружество московскому великому

*) Въ 1485 г. турки овладѣли Штиріею, Каринтіею и Карніоліею.

князю Ивану III Васильевичу, въ надеждѣ, что царевна убѣдитъ своего мужа признать папу главою православной церкви, и что государь московскій по родству съ Палеологами, не оставитъ турокъ въ покоѣ и тѣмъ отвлечетъ ихъ силы отъ Италіи, трепетавшей при одномъ имени Магомета. Иванъ III дѣйствительно вступилъ въ бракъ съ Софьею въ 1472 г., но не исполнилъ ни одного изъ папскихъ предложеній и съ турками воевать не хотѣлъ, сберегая силы свои для сокрушенія орды татарской и для борьбы съ Литвою. Съ султаномъ же сносился для того, чтобы доставить русскимъ купцамъ больше по торговлѣ удобствъ въ турецкихъ владѣніяхъ.

Гнѣздомъ татарскихъ хищниковъ былъ Крымъ. Не зная выгоды торговли, они жили однимъ грабежемъ, дѣлая опустошительные набѣги на Литву, Польшу и на русскіе предѣлы. Не смотря на отдаленность отъ Москвы, они знали все, что дѣлается въ нашемъ отечествѣ и готовы были явиться съ нѣсколькими тысячами удалыхъ наѣздниковъ подъ стѣнами самой столицы, при первомъ удобномъ случаѣ.

Крымскіе ханы съ 1476 г. зависѣли отъ турецкаго султана. Въ этомъ году визирь турецкаго султана Магомета II явился съ флотомъ у береговъ Крыма и покорилъ весь полуостровъ, уничтоживъ здѣсь господство генуэзцевъ. Но зависимость крымскихъ хановъ отъ турокъ была для первыхъ болѣе выгодна чѣмъ тягостна: они всегда могли надѣяться на сильную помощь султана въ случаѣ опасности, а это и давало имъ смѣлость, часто безнаказанно, совершать губительные набѣги на сосѣднія государства.

При царѣ Иванѣ IV Грозномъ султанъ турецкій задумалъ отнять только что покоренныя нами татарскія царства Казань и Астрахань, а поляки подарками побуждали хана крымскаго нападать на московскія украйны. Вельможи татарскіе, ясно понимая, какъ для нихъ опасно давать Ивану IV усиливаться на счетъ Польши, совѣтовали своему хану такъ: „Помириться тебѣ съ Москвою значитъ короля выдать: московскій царь польскаго извоюетъ, Кіевъ возьметъ, станетъ по Днѣпру города ставить, и намъ отъ него не пробыть. Теперь же онъ тебѣ подарки даетъ, чтобъ короля извоевать, а когда короля извоюетъ, то и нашему юрту отъ него не пробыть. Онъ и казанцамъ шубы жаловалъ, но вы этимъ шубамъ не радуйтесь: послѣ того онъ Казань взялъ". Султанъ Селимъ рѣшился на войну и лѣтомъ 1569 года паша его Касимъ выступилъ въ походъ съ 17,000 турокъ; съ нимъ соединился ханъ крымскій съ 50,000 татаръ; положили они идти къ Переволокѣ, то есть къ тому мѣсту, гдѣ Донъ находится въ ближайшемъ разстояніи отъ Волги, соединить эти двѣ рѣки каналомъ, —и взять Астрахань. Турки начали было рыть каналъ, да дѣла этого окончить не смогли; пошелъ было Касимъ и къ Астрахани, но узнавъ о приходѣ туда московскихъ воеводъ съ большимъ войскомъ, принужденъ былъ бѣжать степью, причемъ сильно истомилъ свое войско.

Отъ турецкаго султана Иванъ IV избавился, но въ 1571 г. ханъ крымскій, проведенный измѣнниками, переправился черезъ Оку и такъ сжегъ Москву, что уцѣлѣлъ одинъ только Кремль. Говорятъ, что при такомъ разгромѣ и пожарѣ погибло до 800,000 человѣкъ, да кромѣ того, татары увели въ плѣнъ до 150,000 человѣкъ.

Заботясь о безопасности южныхъ предѣловъ государства, коимъ постоянно грозили крымцы, правители московскіе вначалѣ старались вступить въ тѣсную связь съ Турціею, когда же эта мѣра не удалась, то они употребили иныя средства для пресѣченія татарскихъ набѣговъ; такъ царь Борисъ Годуновъ основалъ многія крѣпости на южной границѣ: Ливны, Кромы, Воронежъ, Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки, укрѣпилъ города, въ томъ числѣ Курскъ, и устроилъ „засѣку“, то есть линію укрѣпленій, частію природныхъ, частію искуственныхъ, отъ Брянска до Мурома. Онъ велѣлъ въ мѣстахъ лѣсистыхъ по дорогамъ валить деревья, въ рѣкахъ на бродахъ вбивать колья и сваи, въ степяхъ копать рвы и строить остроги; особенно старались прервать „сакмы“ или пути, коими обыкновенно вторгались крымцы. Такой системѣ обороны правительство держалось до временъ самаго Петра Великаго.

Кромѣ того, царь Борисъ Годуновъ вошелъ въ близкія сношенія съ германскимъ императоромъ, въ намѣреніи вооружить Европу противъ султана и дѣятельнымъ участіемъ въ замышляемомъ тогда крестовомъ походѣ противъ турокъ, — пріобрѣсть право на тѣсную связь Россіи съ западными европейскими державами. Такія же намѣренія питалъ и Лжедимитрій I; хорошо разумѣя истинныя отношенія Россіи къ сосѣднимъ державамъ, онъ ревностно готовился къ походу на султана, какъ врага вѣры Христовой и тѣмъ болѣе нашего отечества, по враждебному вліянію его на хана Крымскаго.

Въ то время между Крымомъ и южными предѣлами Россіи пролегали необозримыя луговыя степи, искони обитаемыя кочевыми народами разныхъ племенъ, вѣръ

и названій. Побывали на этихъ привольяхъ и Печенѣги, и Половцы, любили кочевать и татары... Но, вотъ, съ половины XV вѣка, по берегамъ Донца, Ворсклы, Дона, въ низовьяхъ Днѣпровскихъ стали селиться люди русскіе,—то были казаки. Бездомовные, безсемейные удальцы, они чуждались узъ общественныхъ, не терпѣли ни селъ, ни городовъ и ютились на „украйнахъ", прилегавшихъ къ пограничнымъ городамъ.

Главнымъ мѣстомъ, гдѣ развилась казацкая жизнь въ полномъ блескѣ было низовье Дона. Здѣсь образовалось воинственное братство, пустившее свои отрасли до береговъ Днѣпра, Урала и Кубани; оно имѣло свои уставы, главнымъ правиломъ которыхъ была непримиримая ненависть къ басурманамъ, — туркамъ и татарамъ. Казаки слушались только своихъ атамановъ, водившихъ ихъ въ битвы и дѣливщихъ добычу; всѣ дѣла важныя рѣшались общимъ приговоромъ въ казацкихъ кругахъ.

Народъ казацкій возникъ изъ сліянія разноплеменныхъ людей; они принимали въ свои «коши» всѣхъ отважныхъ людей; тамъ можно было встрѣтить и потомковъ древнихъ половцевъ, и черкесовъ, и русскихъ удальцевъ, бѣглыхъ поляковъ, литовцевъ, молдаванъ, даже самыхъ татаръ, бѣжавшихъ отъ самовластія хановъ. Но вѣра православная, бывшая непремѣннымъ условіемъ для каждаго новаго пришельца, свидѣтельствуетъ что основаніе казацкому братству положили люди русскіе. Казачество особенно становится замѣтнымъ съ XVI вѣка, когда главнымъ его притономъ сталъ укрѣпленный городокъ Раздоры, при устьѣ сѣвернаго Донца.

Казаки малороссійскіе образовались по примѣру Донскихъ, въ низовьяхъ Днѣпра. Главнымъ притономъ это-

го братства была Сѣчь, также укрѣпленный городокъ, на днѣпровскомъ островѣ Хортицѣ. Цѣлью ихъ жизни была также война съ крымцами и турками, и рѣдкій годъ проходилъ безъ кровавыхъ сѣчь. Запорожцы въ своихъ легкихъ челнахъ спускались по Днѣпру къ лиману и штурмовали турецкія крѣпости, нерѣдко врывались въ самый Крымъ, или, соединясь съ донцами, появлялись въ Черномъ морѣ, не страшась ни бурь, ни турецкаго флота, они грабили окрестности Варны, самаго Константинополя, даже жгли и раззоряли берега Малой Азіи. Безстрашіе въ битвахъ, рѣдкая отважность, удальство и хитрость, — вотъ главныя черты доблестныхъ подвиговъ, покрывшихъ неувядаемою славою имя казаковъ.

Казацкія дружины образовались также и въ самыхъ малороссійскихъ городахъ. Онѣ состояли изъ воинственныхъ людей, крѣпкихъ тѣсными узами братства, свободныхъ отъ общественныхъ повинностей и зависѣвшихъ единственно отъ своихъ старшинъ.

По многимъ обстоятельствамъ, въ особенности по причинѣ неоднократныхъ войнъ съ Швеціею и Польшею, еще не вполнѣ окрѣпнувшая отъ неурядицъ «смутнаго времени» самозванцевъ и междуцарствія, Россія старалась избѣгать войны съ Турціею и ненарушать болѣе или менѣе мирныхъ съ нею отношеній, опасаясь тяжело-упорной войны съ султаномъ, грозившимъ поднять всѣ свои силы. Въ началѣ XVII столѣтія Оттоманская порта, при неутомимомъ стремленіи султановъ къ новымъ завоеваніямъ, была весьма сильною державою. Она обладала сорока пашалыками (провинціями) и четыре обширныя земли платили ей дань. Въ числѣ этихъ провинцій болѣе замѣчательныя въ Европѣ и Венгріи бы-

ли: Румилія, Боснія, Болгарія, Сербія, Семендрія, Темешваръ, Кафа, Кандія и острова Архипелага, къ которому относились также Морея, Лепантъ и Никомидія.

Въ Африкѣ туркамъ принадлежали: Египетъ, Алжиръ, Тунисъ и Триполи.

Въ Азіи: Средняя Азія, Сирія, Мессопотамія, Курдистанъ, Аравія, Мекка, Медина и Ефіопія.

Земли платившія дань были: Валахія, Молдавія, Трансильванія и Рагуза.

Султаны часто жаловались московскимъ государямъ на донскихъ казаковъ за то, что они не переставали нападать на оттоманскія владѣнія и громить турецкія корабли на Черномъ морѣ; не давали они покоя и крымцамъ. При постоянныхъ сношеніяхъ съ Турціею, московскіе послы должны были терпѣть непріятности и, стараясь избѣжать явнаго разрыва съ Портою, переносили многое. Такъ въ 1637 г., донцы рѣшились на отважное дѣло: они задумали взять Азовъ, важную турецкую крѣпость при устьѣ Дона. Соединясь съ 1000 запорожцевъ, казаки, подъ начальствомъ атамана Осипа Петрова, въ числѣ 4400 человѣкъ, нагрянули на Азовъ, взяли его штурмомъ и не хотѣли возвратить султану. Цѣлые шесть лѣтъ безстрашные бойцы мужественно отсиживались въ Азовѣ. Султанъ Ибрагимъ I двинулъ подъ Азовъ 200 тысячъ войска, но осажденные съ отчаянною храбростью отразили 24 приступа, и принудили турокъ снять осаду. Наконецъ, въ 1641 г. казаки предложили Азовъ царю Михаилу Ѳедоровичу Романову. Государь созвалъ въ Москву земскій совѣтъ, для разсужденія что дѣлать? Общее мнѣніе было принять Азовъ и послать казакамъ войско на помощь противъ турокъ. Люди ратные изъявляли готовность идти на

самаго султана, но миролюбивый государь, послѣ неудачныхъ войнъ съ сосѣдями, опасаясь борьбы тяжкой и продолжительной, послалъ казакамъ грамоту—покинуть Азовъ. Казаки послушались, изъ города вышли, но не оставили въ немъ камня на камнѣ. Султанъ остался попрежнему въ мирѣ съ государемъ русскимъ.

И цари московскіе и короли польскіе, постигая всю важность казачества, какъ вѣрный оплотъ противъ крымскихъ разбойниковъ и самихъ турокъ, старались присвоить надъ ними верховную власть. Умный король польскій Стефанъ Баторій далъ малороссійскимъ казакамъ правильное устройство и раздѣлилъ ихъ на полки, каждый полкъ свободно избиралъ себѣ старшинъ и имѣлъ свой судъ и расправу по своимъ обычаямъ. Главное начальство поручено было гетману, которому Баторій далъ знамя, бунчукъ и булаву. Казаки сами избирали себѣ гетмана и, сверхъ того, освобождались отъ податей и земскихъ повинностей.

Вступивъ подъ покровительство польскаго короля, казаки, считая войну съ басурманами главною цѣлью своей жизни, не давали покоя ни туркамъ, ни татарамъ, и отважными своими набѣгами въ Черномъ морѣ накликали на Польшу месть султана, котораго она трепетала, какъ самаго опаснаго врага.

Король Сигизмундъ III, видя въ казакахъ лишь виновниковъ вражды Польши съ Крымомъ и Турціею, задумалъ лишить ихъ того, чѣмъ они болѣе всего дорожили—вѣры и воли. Въ 1589 г. велѣно было число казаковъ ограничить и быть имъ всѣмъ въ вѣдѣніи «короннаго» гетмана, не ходить на поиски противъ не-

вѣрныхъ безъ позволенія правительства и, главное, обязать казаковъ присягою,—принять «Унію» *).

Всеобщій ропотъ, а затѣмъ и открытое возстаніе было отвѣтомъ всей Малороссіи. Съ этихъ поръ запылала почти безпрерывная война между казаками и поляками; первые ненавидѣли своихъ притѣснителей болѣе самыхъ татаръ и не давали пощады ни старому, ни малому. Съ обѣихъ сторонъ дышали непримиримою враждою, доходившею до крайняго ожесточенія.

Не смотря на то, что казацкія возстанія удавались вначалѣ, оканчивались они всегда торжествомъ польскаго правительства, а старшины казацкіе, повѣривъ ложнымъ клятвамъ и договорамъ ляховъ, или погибали жестокою смертію, или должны были бѣжать изъ родной страны... Дѣла перемѣнились, когда въ 1648 г. вождемъ всѣхъ казаковъ явился гетманъ Богданъ Хмѣльницкій. Двинулись за своимъ батькой—гетманомъ ободрившіеся казаки и одержали важную побѣду надъ самимъ королемъ Яномъ Казиміромъ. Хмѣльницкій заключилъ съ нимъ Зборовскій договоръ, по которому казакамъ возвращены были всѣ ихъ права и льготы. Но поляки вовсе не думали исполнить честно условій Зборовскаго договора, и тогда дальновидный Хмѣльницкій, не имѣя возможности избавить отъ поляковъ Малороссію собственными силами и средствами, отправилъ въ Москву посольство—ударить челомъ православному Государю со всѣмъ Запорожьемъ.

На „общей радѣ“ **) въ Переяславлѣ, Хмѣльницкій высказался такъ: „Паны полковники, эсаулы, сотники,

*) Соединеніе католической религіи съ православною.
**) Народное собраніе.

все войско запорожское и всѣ православные христіане! Видно нельзя намъ жить болѣе безъ царя, такъ выбирайте изъ четверыхъ: султана турецкаго, хана крымскаго, короля польскаго и царя православнаго, русскаго. Султанъ—басурманъ: извѣстно, какую бѣду терпятъ отъ него наши братья-христіане, ханъ—тоже нехристь. а объ угнетеніяхъ отъ польскихъ пановъ нечего и говорить! Православный же московскій царь одного съ нами благочестія: кромѣ его царской руки мы не найдемъ лучшаго пристанища. Кто не хочетъ насъ послушать, тотъ пусть идетъ куда хочетъ: вольная дорога! — Тогда вся „рада" отозвалась единодушно: „Хотимъ подъ царя восточнаго! Лучше намъ умереть въ нашей благочестивой вѣрѣ. нежели доставаться ненавистнику Христову, поганцу"!

Царь Алексѣй Михайловичъ, созвавъ соборъ изъ всякихъ чиновъ и людей со всего государства, предложилъ ему просьбу Хмельницкаго на разсужденіе. Опасаясь, чтобы Малороссія не признала надъ собою власти султана, потому что ненависть ея къ польскому игу была такъ безпредѣльна, что казаки лучше хотѣли подружиться съ непримиримыми врагами крымцами, чѣмъ быть въ зависимости отъ коварныхъ поляковъ,—Россія должна была избѣгать невыгоднаго сосѣдства турокъ, которыхъ она всегда старалась отдалить отъ своихъ предѣловъ. Соборъ приговорилъ: быть Малороссіи за Россіею. Вслѣдъ затѣмъ, царскій бояринъ Бутурлинъ отправился въ Переяславль и тамъ 8 января 1654 г. привелъ Хмельницкаго съ старшинами къ присягѣ, а за нимъ всѣ полки малороссійскіе, на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, поклялись единодушно быть въ вѣчномъ подданствѣ у царя православнаго.

Въ 1672 г. польскій король Михаилъ Вишневецкій, послѣ громадныхъ потерь, понесенныхъ имъ въ войнѣ съ турками, которые опустошили Галицію и Подоль, опасаясь потерять все королевство, заключилъ съ султаномъ миръ въ Буджановѣ, по которому обязался платить туркамъ ежегодно дань и уступилъ имъ Заднѣпровскую Малороссію. Очевидно было, что султанъ, овладѣвъ, польскою украйною, или Заднѣпріемъ, не оставитъ въ покоѣ и русской. Государь объявилъ заднѣпровскимъ казакамъ, что онъ согласенъ принять ихъ въ свое подданство,—казацкіе полки съ радостью присягнули.

Утверждая власть за Днѣпромъ, царь Алексѣй Михайловичъ предвидѣлъ, что султанъ не оставитъ его спокойнымъ обладателемъ этой части Малороссіи и готовился къ войнѣ, которая и возгорѣлась при сынѣ его Ѳедорѣ Алексѣевичѣ.

Султанъ Магометъ IV два раза высылалъ сильное войско къ Чигирину, чтобы взявъ его овладѣть Кіевомъ и всею Малороссіею. Въ августѣ 1677 г. сорока-тысячное турецкое войско, подъ начальствомъ визиря Мустафы, осадило Чигиринъ; осажденные, ободряемые мужественнымъ воеводою Ржевскимъ, оборонялись отчаянно, а между тѣмъ къ нимъ на выручку спѣшилъ князь Ромадановскій и гетманъ Самойловичъ. Турки и татары не смогли помѣшать имъ переправиться черезъ Днѣпръ и, поражаемые съ одной стороны этими войсками, а съ другой осажденными, враги побѣжали отъ Чигирина, покрывая степи своими трупами.

Въ слѣдующемъ году султанъ выслалъ вдвое большее войско. Главное дѣло снова произошло на берегу Днѣпра, близъ Чигирина, 14 августа 1678 года. Начался бой, какого еще не было въ Россіи, со времени употре-

бленія огнестрѣльнаго оружія *), наконецъ, на пятый день битвы турки и татары дрогнули... Визирь Мустафа лишился двухъ третей своей арміи. Окопы, пушки, весь лагерь, со всѣми обозами, достался побѣдителямъ. Князь Ромадановскій, князь Черкасскій и гетманъ Самойловичъ съ казаками преслѣдовали враговъ до крайнихъ предѣловъ государства.

Султанъ, испытавъ двукратную неудачу, предложилъ миръ и договоромъ въ Бахчисараѣ, въ 1681 г., отказался отъ всѣхъ притязаній на Заднѣпровскую украйну.

Съ тѣхъ поръ ни Турція, ни Польша не рѣшались оспаривать Малороссію у Московскаго государства.

Знаменитый король польскій Янъ III Собѣсскій, послѣ того какъ онъ разбилъ на-голову, подъ стѣнами австрійской столицы Вѣны, турокъ и погналъ ихъ на берега Дуная, въ Молдавію и Валахію, не смотря на свои геройскіе подвиги, не могъ съ одними своими силами бороться нъ Турціею и обратился въ Москву съ просьбою о помощи и союзѣ. Въ Москвѣ согласились на союзъ, только съ условіемъ вѣчнаго мира, который закрѣпилъ бы за Россіею Кіевъ навсегда, а также и всѣ пріобрѣтенія по Андрусовскому договору 1667 года. Переговоры тянулись около двухъ лѣтъ. Янъ Собѣсскій ласкалъ себя надеждою побѣдить московское упрямство, но наконецъ долженъ былъ согласиться на всѣ требованія царевны Софьи, въ то время правительницы государства. Послы его заключили въ Москвѣ въ 1686 году договоръ, по которому Польша отказывалась на

*) Въ Россію ввезены пушки, подъ именемъ „арматъ“, въ 1389 году, во время княженія Василія 1 Ивановича, сына Дмитрія Донскаго.

всегда отъ всѣхъ городовъ и земель, уступленныхъ Россіи до извѣстныхъ сроковъ, при царѣ Алексѣѣ и сынѣ его Ѳедорѣ. При подтвержденіи такого мира у героя Собѣсскаго навернулись на глазахъ слезы: такъ тяжелъ былъ этотъ миръ для Польши, и такъ выгоденъ, слѣдовательно, для Москвы.

Но за такой выгодный миръ нужно было заплатить войною съ Турціею. Положено было, что русскіе войска пойдутъ въ Крымъ и тѣмъ отвлекутъ хана отъ поданія помощи туркамъ. Любимецъ царевны Софьи, князь Василій Голицынъ выступилъ въ походъ, весною 1687 г., съ 100,000 войскомъ; къ нему присоединился гетманъ Самойловичь съ 50,000 казаковъ. Но походъ въ Крымъ черезъ степи былъ крайне труденъ для большаго войска. Степные пожары, недостатокъ въ продовольствіи и нестерпимый іюльскій зной принудили Голицына возвратиться безъ боя, съ большею потерею. Весною 1689 г. Голицынъ вторично пошелъ въ степи съ большимъ войскомъ; ему помогалъ гетманъ Иванъ Мазепа. На этотъ разъ степи были пройдены благополучно и войско достигло Перекопа, но истомленное трудными переходами потеряло всю свою обычную бодрость. Не видя никакой выгоды во взятіи Перекопа и не находя возможнымъ оставаться долѣе по недостатку воды, травы и лѣса, Голицынъ снова возвратился назадъ.

Такъ на этотъ разъ совсѣмъ неудачно закончились наши крымскіе походы.

Настало царствованіе Петра I-го.

Убѣжденный въ неисчислимыхъ выгодахъ, которыя могла получить Россія отъ заведенія флота, государь обратилъ вниманіе на югъ и задумалъ утвердить свое го-

сподство на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, при устьяхъ Днѣпра и Дона, но все Черноморское побережье находилось тогда во власти турокъ. Петръ рѣшился воевать съ султаномъ, тѣмъ болѣе, что по Московскому договору 1686 г., Россія обязалась помогать Польшѣ въ трудной ея борьбѣ съ Портою. Крымскіе походы остались безъ послѣдствій, а король неотступно требовалъ исполненія договора, и Петръ въ 1695 г. предпринялъ походъ на Азовъ.

Сильное московское войско, подкрѣпленное малороссійскими казаками, послано было съ бояриномъ Шереметевымъ къ низовьямъ Днѣпра, гдѣ оно безъ труда овладѣло крѣпостями въ лиманѣ. Самъ царь съ другимъ войскомъ и двумя потѣшными полками, преображенскимъ и семеновскимъ, отправился водою,—Москвою рѣкою, Окою и Волгою до Царицына, а оттуда сухимъ путемъ до Дона и Дономъ внизъ къ Азову.

Бояринъ Шеинъ подступилъ къ Азову, но прежде чѣмъ начать осаду нужно было взять двѣ каланчи, построенныя турками по обѣимъ сторонамъ рѣки Дона, верстахъ въ-трехъ выше города. Для этого было назначено 700 преображенцевъ и семеновцевъ; храбрецамъ пришлось по горло идти въ водѣ; турки открыли страшный огонь, потомъ простно сцѣпились въ рукопашную, но не могли устоять противъ молодцевъ потѣшныхъ: одна каланча тутъ же была взята штурмомъ, да и другая вскорѣ сдалась.

Началась самая осада Азова, но она не могла имѣть успѣха, потому что городъ, защищаемый сильнымъ гарнизономъ, получалъ съѣстные и военные снаряды съ моря, при помощи турецкаго флота. Послѣ тщетныхъ попытокъ взять городъ приступомъ, Петръ убѣдился, что

безъ морской силы этого сдѣлать нельзя и отступилъ, съ намѣреніемъ принять иныя мѣры.

Еще прежде похода заложена была корабельная верфь въ Воронежѣ; тамъ работали зиму и лѣто,—и два линейные корабля, 30 другихъ военныхъ судовъ были уже готовы къ веснѣ 1696 года. Петръ снова поплылъ къ Азову. Шеинъ осадилъ его на сухомъ пути, а государь, принявъ начальство надъ флотомъ, посадилъ на легкія суда нѣсколько сотъ гвардейцевъ и донцевъ, напалъ на турецкій флотъ, завладѣлъ двумя кораблями и заслонилъ отъ непріятеля Азовъ съ моря.

Крымскій ханъ Нуреддинъ, съ турецко-татарскимъ войскомъ, пять разъ нападалъ на русскій лагерь, чтобъ подать помощь гарнизону, и каждый разъ разбитый наголову отступалъ съ урономъ. Между тѣмъ отъ выстрѣловъ стѣны падали, бастіоны разрушались, осажденные изнемогали отъ голода, и азовскій паша, не видя болѣе ни откуда помощи, сдалъ крѣпость побѣдителю 19 іюля 1696 года.

Открывъ такимъ образомъ доступъ къ Черному морю, Петръ спѣшилъ исправить твердыни азовскія, какъ надежный оплотъ противъ турокъ и татаръ, основалъ Таганрогъ, приказалъ рыть каналъ отъ Иловли до Камышенки, для соединенія Волги съ Дономъ, чтобъ тѣмъ облегчить доставку корабельныхъ лѣсовъ и открыть удобный путь промышленности для самыхъ отдаленныхъ областей своего государства. Для утвержденія же своей власти въ Азовскомъ морѣ, Петръ соорудилъ на Воронежской верфи сильный флотъ изъ 60 кораблей и другихъ судовъ, основалъ верфь въ Брянскѣ на р. Деснѣ, и подтвердилъ союзъ съ Австріею, Венеціей и Польшею въ войнѣ съ Турціею.

Австрійскій императоръ Леопольдъ I началъ вести съ Турціею переговоры о мирѣ въ Карловицахъ, въ 1698 г., но какъ здѣсь заключено было перемиріе только на два года, то царь Петръ отправилъ въ Константинополь думнаго дьяка Украинцова для условій о прочномъ мирѣ, чтобы имѣть всѣ средства обратить свои силы на западъ, — на войну съ шведами. Украинцевъ успѣшно исполнилъ порученіе государя, заключивъ 3 іюля 1700 года съ Портою миръ на 30 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы Азовъ съ его округомъ остался за Россіею, и чтобы взятыя русскими войсками турецкія крѣпости, въ устьяхъ Днѣпра, — были срыты.

Разбитый подъ Полтавою, 27 іюня 1709 г., Карлъ XII король шведскій бѣжалъ въ Турцію; онъ оставался тамъ не безъ дѣла. Надѣясь безъ труда управиться съ королемъ датскимъ и польскимъ, Карлъ опасался только одного грознаго врага своего — Петра Великаго, и неотступно убѣждалъ султана объявить войну царю русскому. Хитрые происки его, при помощи французскаго посла и хана крымскаго, скучавшаго бездѣйствіемъ, увѣнчались успѣхомъ. Въ ноябрѣ 1710 года, султанъ Ахметъ III объявилъ Россіи разрывъ подъ предлогомъ, что царь выстроилъ крѣпости, опасныя для Крыма и завладѣлъ частью Польши, съ намѣреніемъ вторгнуться въ турецкія владѣнія. Султанъ вывелъ въ поле около 300,000 собралъ до 400 орудій, и, ввѣривъ столь многочисленную армію верховному визирю Мегмету-пашѣ, велѣлъ вести её за Дунай, чтобъ вторгнуться въ предѣлы Россіи.

Видя неизбѣжность войны, царь Петръ желалъ отдалить ее отъ предѣловъ своего государства; при этомъ у него родился блестящій планъ — проникнуть въ сердце турецкихъ владѣній, съ помощью единовѣрнаго и боль-

шею частію единоплеменнаго народонаселенія. Молдаване, Валахи, Сербы, Черногорцы обѣщали царю свою помощь; король польскій Августъ также обязался выставить 30,000 войска, такъ что число союзнаго войска должно было простираться до девяносто тысячъ.

Недовольные жестокимъ и не правосуднымъ правленіемъ Порты, господарь Молдавскій Кантемиръ и Валахскій Бранкованъ дали слово Петру вооружить свой народъ и приготовить обильные запасы продовольствія для русскаго войска. Весь успѣхъ похода зависѣлъ отъ того, чтобъ предупредить непріятеля на берегахъ Дуная и занять Молдавію прежде, чѣмъ турки успѣютъ овладѣть ею. Царь Петръ Алексѣевичъ собралъ до сорока тысячъ войска изъ лучшихъ боевыхъ полковъ, при 122 орудіяхъ, и ввѣривъ его фельдмаршалу Шереметеву, велѣлъ спѣшить къ предѣламъ Молдавіи. Въ слѣдъ за войскомъ отправился и самъ, вмѣстѣ съ супругою своею Екатериною.

Едва русскіе полки перешли рѣку Днѣстръ, какъ уже стали нуждаться въ съѣстныхъ припасахъ. Кантемиръ, обѣщавшій войско и продовольствіе, не приготовилъ ни того, ни другаго, а необыкновенный злой изсушилъ поля и луга; саранча истребила остальное. Послѣ страшно утомительныхъ переходовъ, армія прибыла къ Яссамъ. Здѣсь Кантемиръ успѣлъ увѣрить царя Петра, что турки еще не перешли Дунай, что русскіе успѣютъ предупредить ихъ и найдутъ обильные запасы въ окрестностяхъ Браилова, заготовленные для турецкой арміи, которыми овладѣть будетъ не трудно. Петръ двинулся впередъ. Войска потянулись лѣвымъ берегомъ Прута, по направленію къ мѣстечку Фальчи, страною безлюдною, опаленною зноемъ, по безводнымъ степямъ.

Подъ жгучими лучами солнца, томимые жаждою, солдаты падали отъ усталости и умирали отъ истеченія крови гортанью. Запасовъ съ собою почти не было, да и не откуда было ихъ достать; лошади еле двигались, а большинство ихъ совсѣмъ пало, потому что нечѣмъ было кормить,—саранча поѣла всю траву кругомъ. Царь Петръ и Екатерина объѣзжали и ободряли полки. Екатерина почти не сходила съ коня.

Только что успѣли сдѣлать нѣсколько переходовъ, какъ разнеслась горькая вѣсть, что турки уже болѣе недѣли какъ переправились черезъ Дунай и идутъ на встрѣчу русскимъ. Бранкованъ же Валахскій измѣнилъ своему слову и остался въ подданствѣ султана. Петръ велѣлъ отступить къ Яссамъ. Телѣги и палатки сожгли. Преображенцы назначены въ аррьергардъ.

Любимцы Петра, безстрашно жертвуя собою, геройски выдержали бѣшеныя аттаки непріятеля. Турецкая конница стремительно налетала на нихъ, грозя раздавить, но всякій разъ преображенцы останавливались, смыкались, затѣмъ, спокойно подпустивъ къ себѣ враговъ на близкое разстояніе, встрѣчали ихъ убійственнымъ огнемъ, производившимъ страшное опустошеніе въ рядахъ невѣрныхъ, которые, смѣшавшись, стремглавъ мчались назадъ.

Нестерпимый жаръ въ мѣстахъ безводныхъ до того изнурилъ войско, что оно едва могло двигаться. Необходимо было дать людямъ отдохнуть и утомить жажду. Петръ остановился въ долинѣ, прилегающей къ Пруту, гдѣ впадаетъ въ него рѣчка Гушъ. Раскинули лагерь и наскоро укрѣпили его рогатками. Пѣхота въ 31,500 человѣкъ и 122 орудія расположились у самыхъ рогатокъ; конница 6,700 человѣкъ и обозъ стали въ серединѣ. Тутъ же раскинули и ставку для государя.

Едва солдаты успѣли освѣжить свои силы струями Прута, какъ появилась турецкая армія, подъ начальствомъ верховнаго визиря Мегмета-паши, и развернула свои громадныя силы въ виду Петрова войска. Она состояла изъ 100,000 пѣхоты, 120,000 конницы. 50,000 татаръ, при 444 орудіяхъ.

Петръ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ.

9-го іюля, въ 5 часовъ пополудни, турки, подобно грозной тучѣ, пошли въ аттаку. Нестройными колонами наступали они, но превосходство силъ было такъ велико на ихъ сторонѣ, что казалось невѣроятнымъ, чтобъ наши устояли: но твердая рѣшимость умереть, а не сдаваться, отчаянная храбрость—превозмогла все... Государь не терялъ присутствія духа и своимъ непоколебимымъ мужествомъ ободрялъ солдатъ. Онъ сосредоточилъ на одномъ пунктѣ большую часть орудій, и когда турки подошли уже шаговъ на шестьдесятъ.—залпами, съ двойными зарядами, ядромъ и картечью, нанесъ такое пораженіе въ густыхъ массахъ турокъ, что толпы ихъ, съ ужасомъ отхлынувъ, побѣжали къ своему лагерю, оставивъ на мѣстѣ до 7,000 труповъ.

Тщетно визирь хотѣлъ возобновить нападеніе въ слѣдующее утро, 10 іюля: янычары не шли въ аттаку. Мегметъ-паша ограничился только канонадою изъ окоповъ и батарей, возведенныхъ имъ ночью передъ своимъ лагеремъ. Съ нашей стороны тоже отвѣчали безпрерывнымъ огнемъ. Такъ прошелъ весь день.

Положеніе Петра было отчаянное. Войско его, изнуренное голодомъ, истомленное жаждою, не могло и думать о побѣдѣ надъ столь громадными врагомъ: отступленіе было почти невозможно: одна татарская конница легко истребила бы русскихъ по частямъ, во время похода.

Оставалось одно—положить оружіе! Но могъ ли рѣшиться на это царь Петръ, такъ еще недавно увѣнчанный лаврами полтавской побѣды?!.

Нѣкоторые писатели приводятъ письмо государя, будто бы писанное имъ въ сенатъ, въ эти тяжелые часы для могучей души его.

«Единственно только по полученнымъ ложнымъ извѣстіямъ, въ семь кратъ сильнѣйшею турецкою силою окруженъ такъ, что всѣ пути къ продовольствію пресѣчены, и что я безъ особливой Божьей помощи ничего предвидѣть не могу, кромѣ совершеннаго пораженія, или что я впаду въ турецкій плѣнъ. Если случится сіе послѣднее, то вы не должны почитать меня своимъ царемъ и государемъ, и ничего не исполнять, что мною хотя бы по собственноручному повелѣнію отъ васъ было требуемо, покамѣстъ я самъ не явлюсь между вами въ лицѣ моемъ; но если я погибну, и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то выберите между собою достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники».

Наступила ночь. Безчисленные огни, разведенные турками и окружавшіе насъ со всѣхъ сторонъ, говорили о громадномъ количествѣ враговъ, которые стерегли насъ, какъ свою вѣрную добычу. Не весело было въ русскомъ лагерѣ: приходилось погибать,—о сдачѣ никто и не думалъ.

Царь, мрачный и безмолвный, удалился въ свой шатеръ и запретилъ часовымъ кого бы то ни было впускать къ себѣ. Тяжелы были думы вѣнценоснаго вождя: помощи ожидать было не-откуда. Вдругъ въ умѣ государыни Екатерины блеснула счастливая мысль—предложить визирю миръ, на выходныхъ для Турціи условіяхъ. Призвавъ къ себѣ фельдмаршала Шереметьева и всѣхъ

генераловъ, государыня спросила у нихъ: не находятъ ли они возможнымъ попытаться предложить туркамъ миръ? всѣ вполнѣ признали благоразуміе такой мѣры, но не знали, какъ объявить о томъ государю, строго запретившему къ себѣ входить. Это взяла Екатерина на себя. Войдя въ царскій шатеръ, она со слезами пала къ ногамъ угрюмаго Петра и умоляла его согласиться на ея предложеніе... Тронутый слезами многолюбимой супруги, государь рѣшился исполнить ея просьбу, и съ предложеніемъ мира посланъ былъ въ турецкій лагерь баронъ Шафировъ: государь уполномочилъ его уступить туркамъ Азовъ, Таганрогъ и другія окрестныя мѣста. Шафировъ повезъ съ собою также всѣ драгоцѣнности, какія только нашлись въ русскомъ лагерѣ *). Между тѣмъ въ военномъ совѣтѣ рѣшено: если будетъ отказано въ честномъ мирѣ, то обозы сжечь и съ Божіею помощью, пробиваться сквозь непріятеля съ оружіемъ въ рукахъ.

Отвѣта долго не было. Русскіе полки изготовились къ бою,—Петръ рѣшился идти на-проломъ.

Наконецъ Мегметъ-паша отвѣчалъ, что онъ согласенъ, и къ общей радости требовалъ только возвращенія Азова съ его округомъ, уступки татарамъ Запорожья, невмѣшательства Россіи въ дѣла Польши и свободнаго пропуска въ отечество шведскаго короля Карла XII, котораго удалить изъ Турціи и безъ того хотѣлось Петру. Одно только мѣшало немедленному заключенію договора: турки требовали выдачи Молдавскаго господаря Кантемира. Государь сказалъ: „скорѣе соглашусь уступить половину царства до

*) Заслуга государыни въ послѣдствіи торжественно засвидѣтельствована учрежденіемъ ордена „Освобожденія", во имя Св. Великомученицы Екатерины.

самаго Курска, чѣмъ нарушу честное слово!“ Визирь настаивалъ. Петръ отдалъ приказъ къ битвѣ,—и Кантемиръ былъ спасенъ.

Едва подписанъ былъ договоръ, какъ король Карлъ XII прискакалъ изъ Бендеръ въ турецкій лагерь, въ полной надеждѣ найти тамъ въ плѣну грознаго царя Петра, и съ горестью увидѣлъ только, какъ русскіе полки, съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами, уходили къ предѣламъ своего отечества.

Султанъ Ахметъ III подтвердилъ Прутскій договоръ. Въ 1713 г., 18 іюня, на основаніи условій этого же договора, онъ заключилъ въ Адріанополѣ прочный миръ съ Россіею на 25 лѣтъ, и вслѣдъ за тѣмъ велѣлъ сказать королю Карлу XII, что ему пора уже убираться изъ земли турецкой.

Государь Петръ I не даромъ неохотно разставался съ Азовомъ. Едва, въ слѣдствіе Прутскаго договора, русскіе вышли изъ Азова, какъ крымцы явились въ воронежской губерніи, сожгли много селъ и увели до 15,000 человѣкъ въ неволю. Петръ много разъ обращался къ Портѣ съ требованіемъ смирить хищниковъ, признававшихъ верховную власть султана, но турецкое правительство не исполняло справедливыхъ его требованій и татары грабили украйны. Государь рѣшился покончить дѣло оружіемъ. Все было уже готово къ походу: въ украйнѣ собрано войско; въ Брянскѣ и Воронежѣ построено нѣсколько тысячъ плоскодонныхъ судовъ, на которыхъ Петръ думалъ спуститься въ одно время по Днѣпру и Дону къ берегамъ Черноморскимъ, чтобы разгромить гнѣздо хищниковъ. Смерть великаго императора спасла Крымъ.

Въ царствованіе Императрицы Анны Ивановны, (1730—1740) Турція вела утомительную войну съ му-

жественнымъ персидскимъ шахомъ Надиромъ. Султанъ Махмудъ I рѣшился устремить всѣ силы Порты на Персію и велѣлъ хану крымскому вторгнуться въ Дагестанъ. Татары, чтобъ пробраться на Кавказъ, должны были пройти черезъ наши владѣнія на Кубани и Терекѣ, что они и сдѣлали, не испросивъ согласія на это русской императрицы. За столь явное нарушеніе народнаго права и за набѣги татаръ на украйну, государыня приказала фельдмаршалу Миниху опустошить Крымъ, а генералу Ласси—овладѣть Азовомъ.

Походъ 1736 г. былъ вполнѣ удаченъ. Ласси овладѣлъ Азовомъ; Минихъ быстро перешелъ украинскія степи, взялъ Перекопъ приступомъ и опустошилъ всю западную часть Крыма до самой столицы ханской Бахчисарая, предавъ все встрѣчное на пути огню и штыку.

Въ 1737 г. императоръ австрійскій изъявилъ согласіе также воевать съ Турціею, вмѣстѣ съ нами. Союзники условились напасть въ одно время на всѣ области Оттоманской Порты—отъ моря Азовскаго до Адріатическаго. Генералъ Ласси долженъ былъ снова вторгнуться въ Крымъ, а фельдмаршалъ Минихъ взять Очаковъ и Бендеры.

Ханъ ждалъ русскихъ на Перекопской линіи со всею ордою,—Ласси выбралъ другую дорогу: онъ неожиданно перешелъ Сивашъ, или Гнилое море, въ бродъ, ворвался въ Крымъ и явился въ тылу хана. Татары дрогнули и скрылись въ горы. Запылали улусы хищниковъ,—и вся восточная часть Крыма покрылась пепломъ и трупами.

Минихъ подошелъ къ неприступному Очакову, защищаемому многочисленнымъ гарнизономъ, и тотчасъ же повелъ свое войско на штурмъ. Турки дрались отчаянно. Жестокій, двухдневный непрерывный бой, казалось, дѣ-

лалъ ие возможнымъ взять твердыни Очакова приступомъ, и надлежало бы заняться долговременною осадою; но въ войскѣ мало было съѣстныхъ припасовъ, а кругомъ—необозримая опаленая степь, гдѣ нѣтъ ни хлѣба, ни травы. Минихъ хорошо зналъ русскаго солдата, которые прозвали его „соколомъ“, и приказалъ взять крѣпость во чтобы то ни стало. Храбрый фельдмаршалъ самъ повелъ на штурмъ Измайловскій полкъ, и подъ заревомъ пожара, объявшаго весь Очаковъ, собственными руками водрузилъ русское знамя на стѣнахъ его. Это было 12 іюля 1737 года.

Въ 1739 г. сераскиръ Вели-паша съ многочисленною арміею вступилъ въ Бессарабію, чтобъ оттуда вторгнуться въ Россію. Фельдмаршалъ Минихъ повелъ храбрые русскіе полки ему на встрѣчу и близъ Хотина, при мѣстечкѣ Ставучанахъ, оба войска встрѣтились. Турокъ было девяносто тысячъ. Они расположились на высокой горѣ и Вели-паша укрѣпилъ свой лагерь тройнымъ окопомъ; стоявшій на правомъ флангѣ, комендантъ Хотинской крѣпости, Кальчакъ-паша, примыкалъ къ непроходимымъ горамъ и лѣсамъ; слѣва — другой многочисленный отрядъ расположенъ былъ подъ горами, простирающимися до самаго Прута; въ тылу русскихъ собрались татары. Турки увѣрены были, что войско наше, окруженное со всѣхъ сторонъ, непремѣнно будетъ въ плѣну.

Обозрѣвъ непріятельскій лагерь, Минихъ замѣтилъ слабость лѣваго крыла турокъ, защищеннаго, однако же, болотами. Фельдмаршалъ тотчасъ направилъ часть своихъ войскъ на правый флангъ турецкаго лагеря, и какъ только турки увидѣли приближеніе русскихъ — загрохотала ихъ громадная артиллерія, а конница понеслась въ ат-

таку; но впереди шли гвардейцы, и тринадцать тысячъ янычаръ, самыхъ лучшихъ наѣздниковъ, было обращено въ бѣгство. Турки съ ужасомъ смотрѣли на нашихъ храбрецовъ и большими массами бросились на защиту своего праваго фланга, а тѣмъ временемъ Минихъ обошелъ ихъ лѣвое крыло черезъ болота,—и могучіе полки русскіе, стройными колоннами, кинулись на высоты, въ самый укрѣпленный лагерь Вели-паши, положили на мѣстѣ до 15,000 человѣкъ, овладѣли всею артиллеріею и обозомъ. Минихъ навелъ такой ужасъ на турокъ, что они стремглавъ бросились къ Дунаю. Самъ главнокомандующій турецкій, сераскиръ Вели-паша, еле-еле успѣлъ спастись бѣгствомъ.

Слѣдствіемъ Ставучанской побѣды, 28 августа 1739 года, было паденіе Хотина, сдавшагося безъ выстрѣла. Михинъ вступилъ въ Яссы и уже думалъ идти на берега Дуная, чтобы тамъ нанести рѣшительный ударъ туркамъ: неожиданная вѣсть о Бѣлградскомъ мирѣ остановила его на пути побѣдъ и славы.

Причина этому—были неудачи Австріи. Нѣмецкіе генералы, одинъ за другимъ, были разбиты турками и въ Сербіи, и въ Босніи, и въ Валахіи, тогда австрійцы рѣшились съ турками на миръ, отказавшись отъ многихъ прежнихъ своихъ завоеваній. Въ союзѣ съ русскими они быть больше не хотѣли. Кромѣ понесенныхъ неудачъ и проигранныхъ сраженій, Австрія боялась, что Россія можетъ быть болѣе опаснѣе для нея, чѣмъ самая турецкая имперія, потому что большая часть подданныхъ австрійскихъ въ Трансильваніи, Венгріи, Богеміи, Кроаціи, Далмаціи и Истріи исповѣдуютъ одну вѣру съ русскими, да и русскія, взявъ Константинополь, захватятъ всю торговлю съ Малою Азіею.

Императрица Анна также желала мира, лишь бы уничтожены были условія постыднаго для насъ Прутскаго договора. Кромѣ того, каждый походъ стоилъ государству несмѣтныхъ суммъ и многихъ тысячъ людей; каждый разъ армія уменьшалась почти на половину: солдаты гибли не столько въ битвахъ, сколько отъ болѣзней, порождаемыхъ недостаткомъ продовольствія и трудностью переходовъ по степямъ Украйны и Бессарабіи. Какъ трудны были эти степные походы можно видѣть уже изъ того, что войско должно было везти съ собою и воду и дрова.

Итакъ, миръ былъ заключенъ въ Бѣлградѣ 1 сентября 1739 года. Въ вознагражденіе всѣхъ нашихъ военныхъ потерь, султанъ Махмудъ I согласился срыть Азовъ до основанія, съ тѣмъ, чтобы ни Россія, ни Турція имъ не владѣли; уступить намъ степь между Бугомъ и Донцомъ; отказаться отъ Запорожья, съ которымъ турки никакъ не могли сладить, и дозволить русскимъ купцамъ отправлять товары въ Черное море, но не иначе какъ на корабляхъ турецкихъ. Россія возвратила Очаковъ и Хотинъ и обязалась не безпокоить крымскаго хана. Такъ невыгодно, изъ-за неудачъ Австріи, этой постоянной, но коварной союзницы нашей, кончилась война, въ которой погибло до ста тысячъ русскаго войска.

Въ славное царствованіе Екатерины II Великой были двѣ войны съ Турціею. Оттоманская порта, въ правленіе Мустафы III, султана умнаго и дѣятельнаго, была государствомъ сильнымъ и тѣмъ болѣе опаснымъ для сосѣдей, что Бѣлградъ, на Дунаѣ, служилъ ключемъ къ нападенію на Австрію, а татары Крымскіе, Буджак-

скіе и Кубанскіе готовы были, по первому повелѣнію султана, нагрянуть на наши южныя украйны.

Послѣ Бѣлградскаго мира прошло 30 лѣтъ. Крымскіе хищники, при каждомъ удобномъ случаѣ, грабили наши южные предѣлы, но государыня, занятая дѣлами и внутренними и внѣшними, въ особенности съ Польшею, уклонялась отъ явнаго разрыва съ Турціею, слѣдственно и отъ войны, которая, хотя и много могла принести пользы для Россіи, но за то и много потребовала бы растратъ и жертвъ.

Однимъ изъ главныхъ правилъ турецкой политики, поддерживаемой Англіею и Франціею, было устранять отъ Польши вліяніе Россіи. Императрица, желая избѣжать войны съ Турціею, приказала войскамъ нашимъ, помогавшимъ при вступленіи на престолъ королю польскому Станиславу-Августу, возвратиться въ отечество, но нѣкоторые польскіе магнаты, недовольные избраніемъ князя Станислава Понятовскаго въ короли, образовали мятежныя банды, подъ названіемъ „конфедератовъ“. Новый король польскій убѣдительно просилъ государыню помочь ему и оставить нѣсколько полковъ для прекращенія мятежа.

Русскій казачій отрядъ, преслѣдуя польскихъ конфедератовъ, загналъ ихъ въ пограничное мѣстечко Балту, разбилъ и разсѣялъ поляковъ, но во время боевой стычки сжегъ мѣстечко. Правительство наше изъявило скорѣйшую готовность удовлетворить Порту и вознаградить убытки, понесенные за сожженое мѣстечко, но турки, подстрекаемые французскимъ посломъ, сочли этотъ ничтожный случай за нарушеніе Бѣлградскаго договора съ нашей стороны, и объявили войну.

Императрица Екатерина II вооружила двѣ арміи: одна, подъ начальствомъ кн. Голицына, должна была удерживать турокъ отъ вторженія въ Польшу, другая, подъ предводительствомъ Румянцева, назначалась для обороны южныхъ предѣловъ государства отъ крымцевъ. Кромѣ того, для развлеченія турецкихъ силъ, наши отряды начали дѣйствовать на Кубани, въ помощь единовѣрческимъ владѣтельнымъ князьямъ Карталиніи, Имеретіи и Мингреліи, желавшимъ освободиться отъ турецкаго ига.

Первый годъ войны, 1769-й, прошелъ безъ всякаго рѣшительнаго дѣйствія.

Веною 1770 года, турецкая армія, въ двѣсти пятьдесятъ тысячъ, сосредоточилась на Дунаѣ и между Прутомъ и Днѣстромъ. Повинуясь приказаніямъ императрицы, Румянцевъ двинулся противъ враговъ. Для ускоренія похода онъ велѣлъ бросить обозъ и рогатки, которыя считались крайне необходимыми въ войнахъ съ турками. 7-го іюля онъ встрѣтилъ 100,000 армію татарскаго хана на берегахъ рѣки Ларги,—разбилъ, разсѣялъ её и повелъ могучіе полки свои далѣе.

Турецкій визирь стоялъ, укрѣпившись на берегахъ рѣки Кагула. У него было 150,000 тысячъ, да съ тылу русскимъ грозили крымцы, въ числѣ 80,000. У русскаго полководца было не болѣе 17,000 человѣкъ, усталыхъ, голодныхъ. Давъ отдохнуть и собраться съ силами, Румянцевъ небольшое войско свое построилъ въ каре. Ночью, на 21 іюля, русскіе тихо подошли къ укрѣпленному турецкому лагерю и на разсвѣтѣ при громкомъ дружномъ „ура!“ ударили въ штыки. Спавшіе турки изумясь неожиданному натиску русскихъ, дрогнули, но оправясь, тучами высыпали изъ своихъ око-

повъ,—въ свою очередь оробѣли и наши... „Стой, ребята!“ бросившись самъ въ огонь, скомандовалъ Румянцевъ, и чрезъ нѣсколько часовъ страшно-упорной битвы, весь непріятельскій лагерь, обозъ, артиллерія и несмѣтныя сокровища достались побѣдителямъ.

Государыня императрица за такой подвигъ, гдѣ семнадцать тысячъ русскихъ разбили почти двухсоттысячную армію, наградила Румянцева: за побѣду при Ларгѣ орденомъ св. Георгія первой степени. а за Кагулъ—жезломъ фельдмаршала.

Почти въ то же время русскій флотъ покрылъ себя неувядаемыми лаврами на водахъ Архипелага. Главное начальство, по волѣ императрицы. поручено было графу Алексѣю Ѳедоровичу Орлову. Султанъ собралъ весь свой флотъ и двинулъ его противъ нашего. Корабли сошлись у Чесменскаго порта, въ Хіоскомъ проливѣ. Турецкій флотъ расположился полумѣсяцемъ, подъ защитою баттарей, устроенныхъ на малоазіатскомъ берегу. Лѣвымъ флангомъ турки примыкали къ каменистому острову, а правымъ къ отмели, отъ того непріятельскіе корабли не могли свободно поворачиваться. Съ обѣихъ сторонъ нѣсколько часовъ продолжался ужасный огонь; подъ густыми тучами дыма, подъ градомъ ядеръ и пуль наши корабли сцѣпились съ турецкими... Линіи отстояли одна отъ другой на пистолетный выстрѣлъ; люди гибли въ огнѣ и въ водѣ. Нашъ передовой корабль, съ храбрымъ командиромъ Спиридовымъ, сцѣпился съ турецкимъ, на которомъ находился самъ начальникъ флота Гассанъ-Бей, и оба адмиральскіе корабля—взлетѣли на воздухъ. Графъ Орловъ, у котораго родной братъ былъ на кораблѣ Спиридова, невольно воскликнулъ: „эхъ, и братъ мой погибъ!“ врѣзался въ сре-

дину непріятельскаго флота, успѣлъ обнять оставшихся въ живыхъ адмирала Спиридова и брата, и погналъ турецкіе корабли въ Чесменскую гавань. Они укрылись подъ береговыя баттареи. Капитанъ-командоръ Грейгъ, по приказанію Орлова, ворвался въ заливъ, удачными выстрѣлами заставилъ замолкнуть баттареи, зажегъ нѣсколько кораблей и вслѣдъ затѣмъ пустилъ въ самую середину турецкаго флота подожженыя барки, съ горючими веществами, —брандеры. Пламя охватило весь непріятельскій флотъ. Загорѣвшіеся корабли, тѣсня другъ друга, съ шумомъ и трескомъ взлетали на воздухъ. Огонь разлился по всему заливу. Земля тряслась и тихое море, побагровѣвшее отъ крови,—колебалось. Взрывы были слышны, какъ подземные удары, верстъ за сорокъ, въ Смирнѣ и другихъ мѣстахъ. Черезъ шесть часовъ настала мертвая тишина: по заливу плавали только обгорѣлые обломки судовъ и трупы...

Весь турецкій флотъ, стоившій милліоны, истребленъ. Около ста судовъ, на которыхъ было двѣ тысячи орудій и двадцать тысячъ войска—погибло; спасся только одинъ корабль, да и тотъ достался русскимъ въ плѣнъ.

Вѣсть объ уничтоженіи всего флота привела въ ужасъ султана Мустафу III, который сталъ опасаться за самый Константинополь, боясь что русскіе прорвутся сквозь Дарданелы. Знаменитыя укрѣпленія эти находились тогда въ жалкомъ положеніи, и если бы русскій флотъ пошелъ прямо къ Дарданеллamъ, то Хіосская и Чесменская битвы могли бы имѣть чрезвычайно важныя послѣдствія, но графъ Орловъ занялся покореніемъ Архипелагскихъ острововъ и упустилъ благопріятное время. Турки, при помощи французскаго агента барона Тотта успѣли сильно укрѣпить Дарданеллы, и когда русскій флотъ рѣшился

было войти въ проливъ, то турки встрѣтили его такимъ огнемъ, что онъ принужденъ былъ отступить.

При всемъ томъ Чесменская побѣда имѣла важныя слѣдствія: греческіе и славянскіе народы возстали, чтобъ свергнуть съ себя ненавистное иго турокъ; почти всѣ крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная покорились русскому оружію: Измаилъ, Килія, Акерманъ, Бендеры, Браиловъ и Журжа. Румянцевъ утвердился въ Молдавіи и Валахіи. Татары Буджакскіе и Крымскіе объявили себя независимыми отъ Порты, изъявляя готовность признать надъ собою покровительство Россіи.

Какъ ни блистательны были успѣхи русскаго оружія, императрица искренно желала мира. Внутри государства свирѣпствовала жестокая моровая язва. Чума проникла изъ Молдавіи въ Малороссію, оттуда быстро разлилась по южнымъ областямъ имперіи и въ половинѣ 1771 года появилась въ Москвѣ, гдѣ погибло слишкомъ 130,000 человѣкъ. Мѣрами столь же рѣшительными, сколько и благоразумными, графъ Григорій Орловъ и дѣятельный генералъ Еропкинъ остановили распространеніе заразы, но она долго, болѣе года, еще свирѣпствовала какъ въ древней нашей столицѣ, такъ и въ южныхъ областяхъ государства.

При такихъ обстоятельствахъ, для ускоренія мира, императрица приказала фельдмаршалу Румянцеву перейти за Дунай. Онъ осадилъ Рущукъ, Силистрію и велѣлъ генераламъ Каменскому и Суворову идти на визиря, собравшаго всѣ силы въ неприступной Шумлѣ. Геніальный Суворовъ, съ отрядомъ въ 8,000 человѣкъ разбилъ 40,000 турокъ и овладѣлъ всѣхъ ихъ лагеремъ; — турки обратились въ безпорядочное бѣгство. Оставленный войскомъ визирь извѣстилъ султана, что онъ не имѣетъ болѣе средствъ

держаться въ Балканахъ, и преемникъ Мустафы III, сынъ его, султанъ Абдулъ-Гамидъ, рѣшился заключить миръ. Турецкіе полномочные явились въ главную квартиру фельдмаршала; въ деревнѣ Кучукъ-Кайнарджи, недалеко отъ Силистріи, и тамъ, въ палаткѣ Румянцева, 10 іюля 1774 г., подписали уже приготовленныя условія мира.

Порта обязалась:

1) Признать независимость татаръ Крымскихъ, Буджакскихъ и Кубанскихъ.

2) Уступить Россіи Азовъ, Керчь, Еникале и Кинбурнъ.

3) Открыть русскимъ купеческимъ кораблямъ свободное плаваніе изъ Чернаго моря въ Средиземное.

4) Предоставить русскимъ подданнымъ въ турецкихъ областяхъ всѣ льготы, которыми пользовались французы и другіе, наиболѣе покровительствуемые народы.

5) Даровать всеобщее прощеніе грекамъ, славянамъ, молдаванамъ и валахамъ.

6) Допустить русскихъ резидентовъ (посланниковъ) ходатайствовать передъ диваномъ по дѣламъ молдавскимъ.

7) Уплатить нашему двору 4.500,000 руб. за военныя издержки.

8) Признать за русскою государынею титулъ императрицы (падишаха), и

9) Всѣ прежніе трактаты (въ которыхъ была рѣчь о Польшѣ) отмѣнить.

Вѣсть о счастливомъ окончаніи Турецкой войны обрадовала императрицу, дворъ и всѣхъ подданныхъ. Не даромъ веселилась Екатерина и ликовалъ русскій народъ: рѣдкая война была такъ блистательна, рѣдкій миръ былъ столь выгоденъ для Россіи, какъ миръ Кайнарджійскій.

Побѣды русскихъ при Кагулѣ, Чесмѣ, за Дунаемъ, на Балканахъ, покрыли наше войско вѣчною славою и могутъ, по истиннѣ, быть сравнены съ геройскими подвигами временъ и древнихъ и новыхъ. Румянцевъ вынесъ изъ этой войны прозваніе задунайскаго, Орловъ—Чесменскаго. Всѣ вожди побѣдоноснаго русскаго воинства были осыпаны милостями, наградами, чинами и орденами. Не забыты были и нижніе чины; кромѣ общихъ наградъ, имъ смягчены были жестокія наказанія; народу дарованы многія льготы, прощены недоимки, облегчены налоги и преданы забвенію всѣ уголовныя дѣла, бывшія десять лѣтъ безгласными. 10 іюля 1775 года, въ день заключенія Кайнарджійскаго договора, во всей имперіи было торжественное празднованіе мира.

Время отъ первой турецкой войны до начала второй,—было самымъ блестящимъ въ царствованіе Екатерины II Великой. Увѣнчанная славою побѣдъ, окруженная храбрыми полководцами, мудрыми министрами, располагая судьбою изнемогающей Польши, грозя тою же участью Турціи, великая государыня съумѣла внушить всѣмъ державамъ о могуществѣ Россіи. Внутри имперіи воцарилась вожделѣнная тишина и спокойствіе; все принимало новый лучшій видъ: возникали города, степи новороссійскія населялись трудолюбивыми земледѣльцами и иностранными колонистами, порядокъ былъ повсюду, въ самомъ народѣ замѣтно было веселье и довольство. Императрица неусыпно обращала свое вниманіе на внутреннее устройство государства и обезсмертила свое имя учрежденіями незабвенными, которыя навсегда останутся залогомъ благоденствія,—недаромъ русскій народъ сталъ называть ее: матушкою Екатериною. Между тѣмъ государыня съ искусствомъ пожинала плоды своихъ побѣдъ: раздвигала пре-

дѣлы Россіи на югѣ, увеличивала вліяніе ея на западѣ и давала чувствовать окрѣпнувшую мощь державы русской всей Европѣ. Но главною цѣлію ея внѣшней политики была Турція.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ турецкое владычество утвердилось на Балканскомъ полуостровѣ, начались безконечныя бѣдствія и страданія христіанъ подвластныхъ султану. Грабежи, насилія, звѣрскія истязанія совершались турками безнаказанно, а густо населенные города и селенія превращались въ груды развалинъ и пепла. Мысль объ изгнаніи турокъ въ Азію долгое время занимала многихъ царствующихъ особъ; Европа смотрѣла на турокъ, какъ на чуждыхъ пришельцевъ, какъ на враговъ креста Господня и неоднократно собиралась вступить въ военно-религіозную брань съ поклонниками Магомета, но безпрерывныя войны, въ первой половинѣ прошлаго вѣка, то на западѣ и востокѣ, то на сѣверѣ и югѣ — отвлекли общее вниманіе отъ Турціи, давъ иное направленіе европейской политикѣ. Въ слѣдъ за окончаніемъ турецкой войны и заключенія Кайнарджійскаго мира, смирившаго гордыню турокъ, въ умѣ императрицы Екатерины зародилась мысль—объ изгнаніи невѣрныхъ изъ Европы и о возможности на развалинахъ Оттоманской порты возстановленія Греческой имперіи.

Эта мысль государыни сдѣлалась также завѣтною мечтою одного изъ самыхъ приближенныхъ къ особѣ императрицы и сподвижниковъ славнаго царствованія ея, — князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго. Заслонивъ собою всѣхъ вельможъ, не исключая ни Панинныхъ, ни Орловыхъ, ни Румянцева, князь Потемкинъ удостоился отъ своей государыни такой довѣренности, какою еще не пользовался никто, и былъ осыпанъ всѣми возможными для поданнаго почестями, награжденъ несмѣт-

ными богатствами. Одаренный необыкновенно свѣтлымъ умомъ, дальновидный, съ душою гордою и безстрашною, могущественный князь Тавриды цѣлые пятнадцать лѣтъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на все, и на выборъ людей, близкихъ къ императрицѣ, и на внутреннее устройство, и на внѣшнюю политику. Честолюбивый и предпріимчивый, горячій поборникъ православія, онъ съ негодованіемъ смотрѣлъ на господство магометанъ въ странѣ христіанской, гдѣ св. ученіе сохранилось во всей чистотѣ своей и откуда оно проникло въ землю русскую.

Такимъ образомъ, держась и политическихъ и религіозныхъ побужденій, Потемкинъ съ живѣйшимъ усердіемъ подкрѣплялъ намѣреніе своей государыни, и искусно приготовилъ окончательное присоединеніе Крыма, долженствовавшее служить первымъ шагомъ къ воплощенію „Греческаго проэкта“.

Татары Крымскіе, Буджакскіе и Кубанскіе, Кайнарджійскимъ договоромъ объявлены были независимыми какъ отъ Россіи, такъ и отъ Турціи. Имъ предоставлено было право избирать хана изъ Чингизова племени. Но татары неспособны были наслаждаться независимостью и, раздѣлившись на двѣ непріязненныя партіи, отдавались то Россіи, то Турціи. Цѣлые восемь лѣтъ Крымъ былъ позорищемъ кровавыхъ смутъ. Послѣдній ханъ Шагинъ-Гирей, спасаясь отъ всеобщаго мятежа, бѣжалъ въ Херсонъ, подъ защиту русскихъ. По распоряженію Потемкина, наши войска быстро заняли всѣ татарскія земли: одни полки вступили въ Крымъ, другіе въ сторону Кубанскую, вытѣснивъ отъ туда турокъ. Ногайскіе и Буджакскіе мурзы, волею и неволею, присягнули на вѣчное подданство,— и Крымъ былъ присоединенъ къ русской имперіи 8 апрѣля 1783 года.

Для исполненія великаго и многосложнаго предпріятія—греческаго проэкта, необходимо было склонить на сторону Россіи Австрію, которая по своему положенію и по своей политикѣ, болѣе всѣхъ другихъ государствъ могла содѣйствовать видамъ Екатерины II на Оттоманскую имперію. Императоръ австрійскій Іосифъ II, при личномъ свиданіи своемъ съ государынею, убѣжденный ея неотразимыми доводами, рѣшился дѣйствовать за-одно съ Россіею, въ войнѣ ея съ исконными врагами христіанства...

Порта сама объявила намъ войну. Главнымъ предлогомъ къ ней было вмѣшательство наше въ дѣла единовѣрной намъ Грузіи, заявившей желаніе войдти въ подданство Россіи, и также покровительство молдавскому господарю Маврокордату, нашедшему у насъ спасеніе отъ лютой и позорной казни. Истинною же причиною войны была надежда Порты присоединить снова себѣ Крымъ, при содѣйствіи Англіи.

Увѣренная въ своихъ громадныхъ средствахъ, государыня намѣревалась освободить отъ власти султана Молдавію, Валахію, Болгарію и образовать изъ нихъ независимое государство, подъ именемъ Дакіи. Князь Потемкинъ жаждалъ воплотить любимую мысль свою—овладѣть Константинополемъ, разрушить Оттоманскую порту, и на развалинахъ ея основать Греческое царство. Европа почти увѣрена была въ неминуемомъ паденіи Турціи.

Императрица вооружила до 120,000 человѣкъ; австрійскій государь собралъ до 200,000. Русскія войска раздѣлены были на двѣ арміи. Екатеринославскую и Украинскую. Первая подъ начальствомъ Потемкина, должна была овладать Очаковымъ, вторая, подъ предводительствомъ Румянцева, шла занимать Молдавію, для отвлеченія главныхъ силъ турецкихъ отъ Очакова и для

содѣйствія австрійской арміи на Дунаѣ. По завоеваніи крѣпостей непріятельскихъ, союзники должны были перейти Дунай, и на поляхъ Болгаріи, или за Балканами, нанести туркамъ ударъ рѣшительный. Планъ былъ составленъ искусно, но исполненіе его далеко не соотвѣтствовало начертанію,—и слѣдствія не оправдали всеобщихъ ожиданій.

Очаковъ, при началѣ войны, не имѣлъ ни сильнаго гарнизона, ни надежныхъ укрѣпленій, но князь Потемкинъ, по объявленіи войны впалъ въ непонятное бездѣйствіе и весь 1787 годъ провелъ въ однѣхъ приготовленіяхъ. Между тѣмъ турки успѣли ввести въ Очаковъ цѣлую армію, снабдили его съѣстными припасами, военными снарядами и воздвигли, при помощи французскихъ инженеровъ, неприступныя твердыни тамъ, гдѣ прежде были только земляные валы съ ветхими башнями.

Ровно черезъ годъ по объявленіи войны, Потемкинъ обложилъ Очаковъ. Осадныя работы поведены были неискусно; четыре мѣсяца прошло въ безплодныхъ трудахъ; между тѣмъ, въ слѣдъ за дождливой осенью, настала суровая холодная зима. Солдаты, укрываясь въ сырыхъ землянкахъ, тысячами умирали отъ болѣзней; одинъ только рѣшительный приступъ могъ спасти изнуреваемое войско, но Потемкинъ все еще надѣялся принудить коменданта сдаться безъ боя и избѣгалъ кровопролитія. Наконецъ, фельдмаршалъ далъ согласіе на приступъ, и 6-го Декабря палъ Очаковъ. Штурмъ былъ ужасенъ, а за нимъ и трехдневное кровопролитіе по взятіи крѣпости. Солдаты съ остервененіемъ кололи турокъ, не различая ни пола, ни возраста; ихъ погибло до 30,000. Укрѣпленія Очакова были срыты.

Австрійцы дѣйствовали еще неудачнѣе насъ. Раздробивъ свою огромную двухсоттысячную армію на шесть главныхъ корпусовъ и множество мелкихъ отрядовъ, австрійскій главнокомандующій растянулъ ее въ видѣ кордона, на пространствѣ 200 миль, отъ предѣловъ Молдавіи до самаго Адріатическаго моря. Напрасно самъ императоръ Іосифъ II прибылъ къ войску, для ускоренія военныхъ дѣйствій: перемѣны плановъ, безполезные переходы съ мѣста на мѣсто, и недостатокъ продовольствія изнурили войско. Между тѣмъ главный визирь перешелъ Дунай и напалъ на императора при Слатинѣ. Подъ защитою ночи, австрійцы начали отступать, но вскорѣ войско оробѣло и побѣжало въ безпорядкѣ... Самъ Іосифъ едва спасся отъ плѣна быстротою коня и возвратился въ свою столицу ,Вѣну, чтобы принять мѣры къ защитѣ собственныхъ владѣній.

Турки, безопасные теперь со стороны Австріи, направили всѣ свои силы противъ русскихъ въ Молдавію, но здѣсь встрѣтилъ ихъ славный Суворовъ и напомнилъ времена Кагульскія... На пути турокъ, при мѣстечкѣ Фокшанахъ, стоялъ австрійскій корпусъ принца Кобургскаго, который, считая себя не въ силахъ выдержать напоръ многочисленнаго непріятеля, просилъ помощи у Суворова. Съ быстротою только свойственною ему, онъ явился въ австрійскій лагерь и немедленно отдалъ приказъ — напасть на турокъ. Ударъ былъ стремителенъ; враги дрогнули и обратились въ бѣгство: вся артиллерія ихъ, со всѣмъ обозомъ, достались въ руки побѣдителей.

При Фокшанахъ былъ разбитъ только отдѣльный тридцати-тысячный корпусъ турецкой арміи; главныя же силы подъ начальствомъ самаго визиря, въ числѣ 100,000 человѣкъ, стояли за Дунаемъ. Визирь перешелъ Дунай,

вступилъ въ Молдавію и расположился на берегахъ Рымника, чтобы, укрѣпивъ по обычаю лагерь, напасть на принца Кобургскаго, стоявшаго въ нѣсколькихъ верстахъ отъ занятой турками позиціи. Принцъ снова обратился за помощью къ Суворову.

Совершивъ самый трудный переходъ, знаменитый полководецъ подошелъ къ австрійцамъ и по прежнему отдалъ приказъ готовиться къ бою. Напрасно принцъ представлялъ ему, что, при громадномъ неравенствѣ силъ, имъ слѣдуетъ отступить,—Суворовъ и слышать не хотѣлъ объ отступленіи, говоря, что если австрійцы не хотятъ сражаться, то онъ и безъ нихъ разобьетъ визиря.

11-го сентября 1789 года, въ 10 часовъ по закатѣ солнца, союзники дружно двинулись на армію турокъ, расположенную въ четырехъ укрѣпленныхъ лагеряхъ. По наведеннымъ мостамъ, въ глубочайшей тишинѣ, они приблизились къ крутымъ берегамъ Рымника... Ни топкія болота, ни глубокіе рвы, ни отчаянная храбрость янычаръ,—ничто не могло остановить Суворова. Поддерживаемый принцемъ, онъ бралъ лагерь за лагеремъ, выбилъ турокъ изъ окоповъ, изъ лѣсовъ, разсѣялъ всю непріятельскую армію и погналъ ее за Дунай. Визирь бѣжалъ въ Шумлу.

Слѣдствіемъ этой побѣды, доставившій Суворову графское достоинство, съ титуломъ Рымникскаго, и орденъ св. Георгія 1-й степени,—было легкое завоеваніе Аккермана и Бендеръ.

Англія, Пруссія, Голландія и Польша встревожились побѣдами геніальнаго полководца, — и предложили свое посредничество Екатеринѣ II въ заключеніи мира съ Турціею, но императрица, поблагодаривъ посредниковъ за доброе намѣреніе, отвѣчала, что не желаетъ посторонняго

вмѣшательства въ ея дѣла, и предписала кн. Потемкину нанести туркамъ окончательное пораженіе.

Фельдмаршалъ спѣшилъ очистить отъ нихъ лѣвый берегъ Дуная и направилъ ударъ на главный пунктъ, гдѣ они держались, на крѣпость Измаилъ. Окруженная земляным валомъ, съ двумя каменными бастіонами, вышиною до 4 саженъ и рвомъ въ 6 саженъ шириною, отъ 4 до 6 саженъ глубины, крѣпость была защищаема сорока двумя тысячами лучшаго турецкаго войска, подъ начальствомъ храбраго сераскира Аидосъ-Мехмета. Пространныя укрѣпленія ея по излучинамъ простирались почти на десять верстъ; 250 орудій стояло на валахъ; сильная флотилія охраняла городъ со стороны Дуная, съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ было вдоволь.

31,000 русскаго войска, подъ начальствомъ генерала Гудовича, осадило Измаилъ, но взять его, казалось, не было возможности. Наступила зима, предвѣщавшая тягости Очаковскія; въ русскомъ лагерѣ открылись повальныя болѣзни, войско упало духомъ....

Суворовъ стоялъ съ своимъ отрядомъ на берегахъ рѣки Серета, когда получилъ отъ главнокомандующаго кн. Потемкина приказаніе: взять Измаилъ во что бы то ни стало. 2-го декабря 1790 г. онъ, съ конвоемъ въ сорокъ казаковъ, прискакалъ въ унылый лагерь осаждающихъ, гдѣ войско уже готовилось отступить подъ Бендеры. Солдаты встрѣтили его съ восторгомъ; они ожили, увѣренность въ побѣдѣ одушевила всѣхъ. Князь Потемкинъ зналъ кому поручить столь важное дѣло, какъ штурмъ неприступнаго Измаила.

Суворовъ расположилъ свои войска полукругомъ и 7-го декабря велѣлъ съ батарей открыть сильный огонь. Турки занятые пальбою, не обращали вниманія на нѣсколько

всадниковъ, разъѣзжавшихъ около крѣпости на ружейный выстрѣлъ: то былъ самъ Суворовъ, осматривавшій мѣстность и указывавшій гдѣ идти колоннамъ на приступъ. По ночамъ онъ самъ училъ солдатъ, какъ дѣйствовать на штурмѣ, какъ перескакивать рвы, взлѣзать на стѣны и колоть врага. Изготовивъ лѣстницы, фашины и все необходимое для штурма Измаила, Суворовъ послалъ къ коменданту письмо, съ предложеніемъ о добровольной сдачѣ. Посѣдѣвшій въ бояхъ, сераскиръ Аидосъ-Мехметъ отвѣчалъ: „скорѣе Дунай остановится въ теченіи своемъ и небо преклонится, нежели сдастся Измаилъ!“ На высокомѣрный отвѣтъ сераскира данъ словесный отзывъ: „что не будетъ болѣе никому пощады!“ и 11-е число декабря назначено днемъ роковаго штурма.

Дунайскую флотилію, подъ начальствомъ де-Рибаса, Суворовъ раположилъ въ двѣ линіи: въ первой было 145 казачьихъ лодокъ для транспорта войска; вторая состояла изъ военныхъ судовъ для прикрытія переправы и бомбардированія крѣпости. Сухопутное войско было раздѣлено на девять колоннъ. И, вотъ, въ 6 часовъ утра, по третьей сигнальной ракетѣ, всѣ девять колоннъ, дружно и стройно двинулись на приступъ. Густой туманъ скрылъ начальное движеніе, но вскорѣ закипѣлъ кровопролитный безпощадный бой на стѣнахъ крѣпости. Самый трудный постъ назначенъ былъ генералу Кутузову,—это взять каменный бастіонъ, защищаемый янычарами. Въ пылу боя, Суворовъ прислалъ сказать храброму Кутузову, что онъ назначаетъ его комендантомъ Измаила. Къ 8 часамъ утра штурмовыя колонны сбили непріятеля на всѣхъ пунктахъ и ворвались въ самую крѣпость; мѣткій огонь флотиліи де-Рибаса много помогъ успѣху штурма. Русскія знамена уже развивались на стѣнахъ Измаила, но

внутри крѣпости еще долго кипѣлъ бой, со всѣми ужасами ожесточенія. Дрались въ улицахъ, въ садахъ, въ мечетяхъ. Каждый домъ нужно было брать приступомъ. Женщины бросались на русскихъ съ кинжалами,—разъяренные солдаты не давали пощады никому.... Изъ сорока двухъ тысячъ защитниковъ Измаила спасся только одинъ вплавь черезъ Дунай; болѣе 33,000 погибло; 9,000 взято въ плѣнъ. Суворовъ потерялъ болѣе 4,000 убитыми и 6,000 ранеными; въ особенности изъ строя выбыло много офицеровъ.

Паденіе Измаила поколебало твердость и неуступчивость Порты, и султанъ Селимъ III далъ повелѣніе вступить въ переговоры. Побѣда князя Репнина надъ турками при Мачинѣ ускорила окончательный договоръ. Мѣстомъ конгресса для заключенія мира назначенъ былъ городъ Яссы. Болѣзнь Потемкина и послѣдовавшая за нею кончина его пріостановила на время ходъ переговоровъ, но по прибытіи въ Яссы графа Безбородко, они возобновились и вожделенный миръ былъ подписанъ 29-го декабря 1791 года. Турція обязалась въ точности исполнять всѣ условія такъ много-выгоднаго для насъ Кайнарджійскаго договора, признать господство Россіи надъ Крымомъ и уступить ей съ г. Очаковымъ пространство между Бугомъ и Днѣстромъ.

Въ кратковременное царствованіе императора Павла I (1796—1801 г.), Россія, по многимъ внѣшнимъ политическимъ причинамъ сблизилась и даже вошла въ дружескія отношенія съ Турціею.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины Великой, во Франціи произошли разныя неурядицы, король Людовикъ XVI былъ свергнутъ съ престола, обезглавленъ, — и пламя раздора охватило всѣ провинціи этого государ-

ства. Въ это смутное время явился Наполеонъ I Бонапартъ. Уроженецъ острова Корсики, сынъ небогатаго дворянина, Наполеонъ еще молодымъ артиллерійскимъ офицеромъ отличился при осадѣ крѣпостей и усмиреніи возстаній. Въ короткое время онъ достигнулъ званія генерала и слава его, какъ искуснаго и непобѣдимаго полководца, росла съ каждымъ днемъ. Короля во Франціи тогда не было, и государствомъ управляло особое собраніе,—вотъ главою-то этого собранія и сдѣлался Наполеонъ.

Получилъ званіе главнокомандующаго и сдѣлавшись первымъ человѣкомъ во Франціи, Наполеонъ I, при своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ, задумалъ овладѣть Египтомъ и отнять его у Турціи. Турецкій султанъ, раздраженный нападеніемъ французовъ на подвластный ему Египетъ, просилъ помощи у Россіи, и черноморская эскадра, подъ начальствомъ адмирала Ушакова, вступила въ Босфоръ. Нашъ адмиралъ былъ принятъ въ Константинополѣ съ почестями и торжествомъ. Порта приняла на свой счетъ содержаніе русской эскадры, которая, вмѣстѣ съ турецкими кораблями, пустилась въ Средиземное море, для изгнанія французовъ изъ острововъ іоническихъ.

Австрія, тѣснимая со всѣхъ сторонъ французами, занявшими, кромѣ того, почти всю Италію, просила императора Павла также о помощи, просила прислать и главнокомандующаго, именно Суворова.

Русскій флотъ, вмѣстѣ съ турецкимъ, дѣйствовалъ удачно по итальянскому побережью, въ Адріатическомъ морѣ. Между тѣмъ, знаменитый полководецъ Суворовъ, явясь въ Италію. въ четыре мѣсяца уничтожилъ три многочисленныя арміи, разбилъ лучшихъ французскихъ генераловъ и уничтожилъ господство Франціи надъ Италіею. Павелъ I возвелъ Суворова въ княжеское достоинство, съ титуломъ Италійскаго.

Завидуя побѣдамъ русскаго полководца, австрійскій военный совѣтъ (гофъ-кригсъ-ратъ) предписалъ ему, оставивъ долины Италіи, разбить французовъ въ горахъ Швейцаріи. Суворовъ повиновался. Нужно было въ ненастную осень перейти три высокіе хребта горъ, покрытые снѣгомъ, гдѣ не было и слѣдовъ человѣческихъ... Суворовъ съ могучими полками шелъ какъ левъ недоступный страху, и преодолѣвъ всѣ препятствія. Его чудо богатыри очищали себѣ путь штыками, лѣзли на высоты неприступныя, спускались въ пропасти, выбивали французовъ изъ ущелій, изъ мрачныхъ пещеръ, и въ непрерывной борьбѣ съ природою и непріятелемъ, перебрались за хребты швейцарскихъ горъ и расположились на зимнихъ квартирахъ въ Баваріи.

Признательный государь наградилъ Суворова за безпримѣрные подвиги въ Швейцаріи саномъ генералиссимуса, но недовольный своими коварными союзниками — англичанами и австрійцами, велѣлъ русскимъ войскамъ возвратиться въ отечество. Престарѣлый герой, обремененный тѣлесными и душевными недугами, непобѣдимый Суворовъ кончилъ славную жизнь свою въ С.-Петербургѣ 6-го мая 1800 года.

Раздраженный по многимъ причинамъ вѣроломною политикою Англіи, государь объявилъ ей разрывъ и заключилъ оборонительный союзъ съ Даніею, Швеціею, Пруссіею, Турціею, и рѣшился примириться съ Франціею, какъ главною соперницею Англіи. Все предвѣщало войну жестокую и кровопролитную. Смерть императора Павла I прекратила ее въ самомъ началѣ.

Въ царствованіе императора Александра I Благословеннаго (1801—1825), по наущенію и происканъ французовъ, султанъ Селимъ III, вопреки договорамъ, смѣ-

нилъ преданныхъ намъ господарей Молдавскаго и Валахскаго и заперъ Дарданеллы для русскихъ военныхъ кораблей. Словомъ, въ 1806 г. Порта объявила Россіи разрывъ.

Военныя дѣйствія начались весною 1807 г., въ одно время на Дунаѣ, за Кавказомъ, въ Черномъ морѣ и Архипелагѣ. Генералъ Михельсонъ утвердился въ Молдавіи и Валахіи; Гудовичъ разбилъ эрзерумскаго сераскира на берегахъ Арпачая; адмиралъ Сенявинъ одержалъ блестящую побѣду на водахъ Архипелага, близъ острова Лемноса,—какъ получено было повелѣніе прекратить военныя дѣйствія на морѣ и на сушѣ и заключить съ Турціею перемиріе.

Бездѣйствіе продолжалось слишкомъ полтора года. По смерти престарѣлаго главнокомандующаго нашего князя Прозоровскаго, назначенъ былъ въ 1810 г. графъ Каменскій 2. Новый военачальникъ хотѣлъ рѣшительнымъ ударомъ кончить войну въ одно лѣто. Переведя всѣ свои силы, до 80,000, за Дунай въ Болгарію, онъ осадилъ отдѣльными корпусами Рущукъ, Силистрію и Базарчикъ, а самъ съ главнымъ отрядомъ двинулся на Балканы, чтобъ овладѣть ключемъ Турціи—неприступною Шумлою. Походъ былъ удаченъ: Силистрія сдалась, Базарчикъ взятъ приступомъ и все пространство отъ Дуная до Балкановъ было очищено отъ непріятелей. Между тѣмъ. до сорока тысячъ турокъ расположились недалеко отъ Рущука, при Батынѣ, въ четырехъ укрѣпленныхъ лагеряхъ,— Каменскій стремительно напалъ на нихъ и разбилъ на-голову. Слѣдствія Батынской побѣды, 25 августа 1810 г., были весьма важны: Рущукъ, Журжа. Никополь сдались. — Русскіе твердо стали на правомъ берегу Дуная.

4-го мая 1811 года графъ Каменскій умеръ и главное начальство перешло къ генералу Кутузову, славному ученику непобѣдимаго Суворова. Вначалѣ Кутузовъ не обнаруживалъ ни смѣлости, ни рѣшительности своего предшественника. Визирь съ огромными силами двинулся къ Дунаю,—Кутузовъ очистилъ Рущукъ, Силистрію, Никополь и, переправившись на лѣвый берегъ Дуная, расположился при мѣстечкѣ Слободзеѣ. Но то была сѣть, раскинутая умомъ великаго полководца для уловленія непріятеля.

Обѣ арміи два мѣсяца стояли въ бездѣйствіи въ виду одна другой, отдѣляясь только рѣкою. Визирь наконецъ рѣшился перейти Дунай, въ верстахъ четырехъ выше русскаго лагеря, и, не встрѣтивъ почти никакого сопротивленія, утвердился на лѣвомъ берегу, но вскорѣ увидѣлъ, что жестоко ошибся въ своемъ планѣ. Кутузовъ немедленно приказалъ построить десять редутовъ противъ турецкаго лагеря полукругомъ, такъ, чтобъ непріятель не могъ двинуться впередъ ни на шагъ; между тѣмъ генералу Маркову велѣлъ съ отдѣльнымъ корпусомъ перейти на правый берегъ и пресѣчь сообщеніе визиря съ Рущукомъ. Марковъ съ блестящимъ успѣхомъ исполнилъ порученіе; напавъ на турокъ, стоявшихъ близъ Рущука врасплохъ, онъ ихъ разсѣялъ и расположился прямо противъ турецкаго лагеря,—загремѣла жестокая канонада. Визирь понялъ всю опасность своего положенія и тайнымъ бѣгствомъ спасъ себя отъ вѣрнаго плѣна. Армія его, состоявшая изъ янычаръ и отборныхъ войскъ Турціи, большею частію погибла отъ голода и болѣзней; остальные, въ числѣ двѣнадцати тысячъ человѣкъ, со всею артиллеріею, 25-го ноября 1811 г., сдались Кутузову.

Султанъ Махмудъ II просилъ мира. Договоромъ въ Бухарестѣ, 16-го мая 1812 г., Турція уступила Россіи часть своихъ владѣній между Днѣстромъ и Прутомъ, извѣстную подъ именемъ Бессарабіи, съ крѣпостями Хотиномъ, Бендерами, Акерманомъ, Килiею и Измаиломъ.

Графское и вскорѣ потомъ княжеское достоинство было наградою Кутузову за вожделѣнный миръ, прекращавшій тягостную для насъ войну въ то самое время, когда могучій врагъ, съ громадными полчищами, а съ нимъ „двадесяти языкъ“, приближался уже къ границамъ Россіи. Турція примирилась съ нами за мѣсяцъ до вступленія Наполеона Бонапарта въ наше отечество.

Въ 1821 году, русской службы генералъ-маіоръ, князь Александръ Ипсиланти, явился въ Молдавіи, собралъ малочисленную дружину и пышнымъ манифестомъ, обнародованнымъ въ Яссахъ, возвѣстилъ грекамъ, что часъ ихъ свободы насталъ и что онъ беретъ на себя званіе главнаго вождя въ борьбѣ за вѣру и свободу. Ипсиланти былъ сынъ Молдавскаго господаря, умерщвленнаго самымъ вѣроломнымъ образомъ, по волѣ султана, вскорѣ по заключеніи Ясскаго мира въ 1791 г. Султанъ Махмудъ II обвинилъ Россію въ намѣреніи князя Ипсиланти взволновать Грецію, отдалъ приказъ не пропускать русскихъ судовъ чрезъ Босфоръ безъ строгаго досмотра, и призвалъ турокъ къ поголовному возстанію въ защиту Магомета.

Угадывая желаніе своего повелителя, турки съ остервенѣніемъ иступленнаго народа напали на безоружныхъ грековъ. Въ Константинополѣ и другихъ городахъ кровь христіанъ полилась рѣкою; не было пощады ни женамъ, ни дѣтямъ; не было убѣжища для злополучныхъ ни въ

домахъ, ни въ храмахъ Божіихъ. Греческій патріархъ Григорій былъ замученъ самымъ звѣрскимъ образомъ: изувѣры распяли его съ двумя епископами въ церкви, гдѣ онъ совершалъ божественную службу въ день Свѣтлаго Воскресенія.

Кровавыя дѣйствія турокъ довели грековъ до отчаянія: они рѣшились умереть съ оружіемъ въ рукахъ, или избавиться отъ безчеловѣчнаго ига, а между тѣмъ султанъ посылалъ войско за войскомъ въ самую Грецію (Морею) и острова Архипелагскіе истреблять христіанъ *).

Четырехлѣтніе переговоры съ Портою остались безуспѣшны. Она не исполнила ни одного изъ справедливыхъ требованій русскаго монарха,—и терпѣніе императора истощилось: въ сентябрѣ 1825 г. онъ повелѣлъ вручить султану сильный протестъ, и предвидя войну въ защиту грековъ, еще неистребшихъ отъ варваровъ, извѣстилъ о томъ другія европейскія державы. Преждевременная кончина, 19-го ноября 1825 г., постигла государя при самомъ началѣ новыхъ его высокихъ замысловъ и подвиговъ.

На престолъ вступилъ Государь Императоръ Николай I Павловичъ.

Въ 1826 г. Россія, Англія и Франція предложили свое посредничество къ примиренію Порты съ греками; султанъ Махмудъ не хотѣлъ и слышать о томъ и далъ снова повелѣніе войскамъ турецкимъ и египетскимъ разорить въ конецъ Грецію и острова Архипелагскіе. Безчеловѣчное кровопролитіе и общее избіеніе грековъ во-

*) Въ 1821—1822 г. въ одномъ Константинополѣ было истреблено грековъ до 30,000 человѣкъ, а во всей Турціи и на островахъ—270,000.

зобновились съ неимовѣрною жестокостью. Казалось, вся Грецiя неминуемо обратится въ безлюдную пустыню. Тогда три эскадры: англiйская, французская и русская рѣшились войти въ Наваринскую гавань и угрозою битвы принудить турокъ остановить опустошенiе Грецiи.

Непрiятельскiй флотъ, подъ начальствомъ двухъ адмираловъ, турецкаго и египетскаго, въ числѣ 66 судовъ, съ 2,200 орудiй и 23,000 человѣкъ экипажа, занималъ позицiю въ видѣ подковы, упираясь флангами въ баттареи, воздвигнутые при входѣ въ заливъ.

Союзный флотъ состоялъ изъ 27 судовъ, въ томъ числѣ 8 русскихъ, съ 1,300 орудiй и 13,000 человѣкъ экипажа. Главное начальство надъ нимъ принялъ англiйскiй адмиралъ Кодрингтонъ, какъ старшiй въ чинѣ, *) и 8-го октября 1827 года повелъ его въ Наваринскую гавань двумя колоннами. Правая колонна, изъ кораблей англiйскихъ и французскихъ, на всѣхъ парусахъ влетѣла въ гавань и, ставъ въ боевую линiю, бросила якорь передъ турецкими кораблями, вслѣдъ за тѣмъ раздался пушечный выстрѣлъ съ египетской корветы по французскому фрегату,—и сраженiе загорѣлось. Загремѣло болѣе тысячи орудiй и суда скрылись въ облакахъ дыма.

Въ это самое время, посреди непроницаемаго мрака, подъ перекрестнымъ огнемъ береговыхъ баттарей, устроенныхъ при входѣ въ заливъ, вступила въ гавань русская эскадра и, ставъ на пистолетный выстрѣлъ отъ непрiятельской линiи, открыла по ней убiйственный огонь. Адмиральскiй корабль графа Гейдена, „Азовъ“, подъ

*) Французскою эскадрою командовалъ адмиралъ Риньи, русскою,—графъ Гейденъ.

командою храбраго капитана М. П. Лазарева, схватился съ тремя фрегатами и вскорѣ истребилъ ихъ. Столь же успѣшно дѣйствовали и всѣ прочіе корабли. Черезъ четыре часа все кончилось. Оттоманскій флотъ былъ уничтоженъ. Изъ всѣхъ судовъ упѣлѣлъ одинъ только фрегатъ, съ немногими мелкими катерами: остальные погибли въ огнѣ, въ водѣ, сѣли на мель, или достались побѣдителямъ.

Султанъ, узнавъ объ истребленіи морскихъ силъ своихъ при Наваринѣ, приказалъ обнародовать во всѣхъ мечетяхъ Оттоманской имперіи призывъ къ поголовному ополченію; онъ провозглашалъ, что Россія замышляетъ конечное разрушеніе Турціи и что возстаніе грековъ было ея дѣломъ; повелѣлъ задерживать русскія суда и не открывалъ Босфора, чѣмъ пріостановилъ всякое движеніе русской торговли на Черномъ морѣ. Война была неизбѣжна.

Весною 1828 года, русскія войска, подъ главнымъ начальствомъ фельдмаршала графа Витгенштейна, переправились черезъ Прутъ, рубежъ Имперіи, и быстрымъ движеніемъ заняли Молдавію и Валахію. Вслѣдъ за тѣмъ былъ обложенъ Браиловъ, для того чтобъ взятіемъ этой крѣпости, важной по своему стратегическому положенію на пути нашихъ дѣйствій, обезпечить тылъ арміи за Дунаемъ.

Переправа черезъ Дунай была сопряжена съ большими трудностями: отъ разлитія весеннихъ водъ, Дунай выступилъ изъ своего русла и затопилъ окрестности на обширное пространство такъ, что лѣвая низменная сторона его превратилась въ непроходимое болото.

5-го мая прибылъ подъ Браиловъ великій князь Михаилъ Павловичъ и принялъ начальство надъ осадою крѣпости и войсками, назначенными для взятія ея.

7-го мая Императоръ Николай Павловичъ самъ прибылъ подъ Браиловъ. Войско, одушевленное присутствіемъ государя, бодро принялось за трудное дѣло—переправу черезъ Дунай, и на пространствѣ пяти верстъ устроило плотину, примыкавшую къ берегу, при которомъ предположено было навести мостъ. Но прежде наведенія моста надлежало разбить непріятеля, засѣвшаго въ крѣпости Исакчи, по ту сторону Дуная, и занимавшаго выгодное мѣстоположеніе на возвышеніяхъ, усѣянныхъ баттареями. На всѣ пункты нашей переправы устремлены были орудія и перекрестные выстрѣлы угрожали намъ...

Одно счастливое событіе облегчило русскимъ средство очистить правый берегъ отъ непріятеля. Потомки запорожскихъ казаковъ, ушедшихъ изъ родины при Екатеринѣ II, а по примѣру ихъ Некрасовцы, потомки донскихъ казаковъ, покинувшихъ родину и удалившихся въ турецкіе предѣлы во время смуты, бывшей на Дону при Петрѣ Великомъ, узнавъ, что въ русскомъ станѣ находится самъ императоръ, выслали выборныхъ своихъ съ повинною—ударить челомъ царю православному, и изъявили желаніе возвратиться въ отечество. Государь благодушно согласился на ихъ покорнѣйшую просьбу, и всѣ они, со всѣми старшинами и кошевымъ атаманомъ, перебрались на лѣвый берегъ Дуная и покинули устья его, которыя такъ долго занимали.

Съ разсвѣтомъ 27-го мая загремѣли орудія съ обѣихъ сторонъ и два егерскіе полка, въ запорожскихъ лодкахъ, подъ прикрытіемъ нашей дунайской флотиліи, переплыли Дунай, овладѣли турецкими баттареями и водрузили русское знамя на правомъ берегу. Вслѣдъ затѣмъ, переправились и всѣ войска, назначенныя для наступательныхъ дѣйствій въ Болгаріи. Переправа при Сатуно-

вѣ, при весеннемъ разливѣ водъ, совершенная съ необыкновенною быстротою подъ непріятельскими баттареями, принадлежитъ къ числу самыхъ блистательныхъ подвиговъ.

30-го мая сдалась крѣпость Исакчи, и въ тотъ же день уже совершенно былъ изготовленъ мостъ черезъ Дунай, подъ самымъ Сатуновымъ.

За Дунаемъ турки не рѣшались встрѣтить насъ въ открытомъ полѣ и заперлись въ крѣпостяхъ, служащихъ Портѣ оплотомъ во всѣхъ ея войнахъ съ Россіею. Главные обороняемые ими пункты, кромѣ Браилова, были: Силистрія, Рущукъ, Варна и Шумла.

Турки въ Браиловѣ защищались мужественно. Пылкой храбрости русскихъ казалась медленною кратковременная осада, съ 13 мая по 6 іюня, и потому рѣшено было взять крѣпость штурмомъ. Штурмъ, неудачный по исполненію, имѣлъ то благопріятное слѣдствіе, что турки, приведенные въ ужасъ неустрашимостью русскихъ войскъ, сдали крѣпость 7 іюня. Мачинъ покорился 6-го іюня, и вслѣдъ затѣмъ—Гирсово 11-го, Кюстенджи 12-го и Тульча 18-го іюня.

По обезпеченіи такимъ образомъ своего тыла, главныя наши силы, соединясь у Базарджика, двинулись къ Шумлѣ. Войска шли среди нестерпимаго зноя, страною до такой степени опустошенною и скудною, что должны были везти за собою даже уголья. Нездоровая вода породила болѣзни; лошади и волы гибли тысячами отъ недостатка корма...

Прямою цѣлью похода на Шумлу было—вызвать изъ нея сераскира Гуссейна на бой и пораженіемъ его войска открыть путь на Балканы. Но Гуссейнъ-паша всякій разъ отказывался отъ сраженія въ открытомъ полѣ.

Взять Шумлу приступомъ было трудно; миновать же ее и идти прямо за Балканы, значило бы оставить въ тылу своемъ цѣлую армію, которая могла напасть на насъ въ тѣснинахъ Балканскихъ въ то время, какъ мы будемъ бороться съ непріятелемъ, заслоняющимъ дорогу на Адріанополь. Государь повелѣлъ фельдмаршалу Витгенштейну остаться подъ Шумлою для наблюденія за Гуссейнъ-пашею.

Между тѣмъ для успѣшнаго дѣйствія въ Азіи, необходимо было покорить Анапу, крѣпость лежащую на восточномъ побережьѣ Чернаго моря. Сухопутный отрядъ, подъ начальствомъ князя Меншикова, доставленъ былъ вице-адмираломъ Грейгомъ на флотѣ подъ самыя стѣны Анапы. Устрашенная Анапа сдалась. Тогда кн. Меншикову повелѣно было, при содѣйствіи Черноморскаго флота, овладѣть Варною, взятіе которой обезпечивало продовольствіе нашего войска подвозомъ съѣстныхъ припасовъ изъ Одессы моремъ.

Въ Варнѣ находилось двадцать тысячъ гарнизона, подъ начальствомъ храбраго Капудана-паши, любимца Султанова. Турки дѣлали частыя вылазки и сражались съ необыкновеннымъ мужествомъ; на одной изъ такихъ вылазокъ кн. Меншиковъ, главнокомандующій передъ Варною, былъ раненъ и мѣсто его заступилъ графъ Воронцовъ. Прибытіе гвардіи 28-го августа, въ числѣ 18,000 человѣкъ, ускорило развязку осады Варны. Гвардейцами начальствовалъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Государь императоръ также прибылъ изъ Одессы и учредилъ главную квартиру на линейномъ кораблѣ „Парижъ“. Враждебныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ начались съ большимъ ожесточеніемъ, и какъ ни храбро сопротивлялись турки, но осадныя работы наши быстро

подвинулись къ самымъ стѣнамъ крѣпости. Вскорѣ были сдѣланы два большіе пролома въ стѣнахъ, и въ ночь на 25 сентября русскіе ворвались въ крѣпость. Осажденные сознавали, что имъ не удержаться долѣе,—и Варна пала къ стопамъ императора русскаго.

Разрушенныя твердыни и укрѣпленія Варны были исправлены, и вся Балканская армія получила приказаніе вновь переправиться за Дунай. На правомъ берегу Дуная, въ Варнѣ, Базарджикѣ и Праводахъ остался одинъ корпусъ, главныя же силы расположились на зимнихъ квартирахъ въ Валахіи и Молдавіи.

Между тѣмъ за Кавказомъ русскія войска, подъ главнымъ начальствомъ графа Паскевича-Эриванскаго, покрывали себя безсмертною славою. При самомъ началѣ войны, султанъ Махмудъ далъ повелѣніе эрзерумскому сераскиру, съ 40,000 арміею, вторгнуться на разныхъ пунктахъ въ наши Закавказскія области. Положеніе дѣлъ нашихъ въ томъ краю было весьма затруднительно. Войска было мало, да и то изнуренное недавними битвами въ Персидскомъ походѣ. Подвластныя намъ мусульманскія провинціи, колеблемыя возваніями и агентами султана, ждали только единовѣрныхъ турокъ, чтобъ возстать поголовно. Гурія замышляла измѣну; въ аулахъ горцевъ господствовало общее волненіе...

Паскевичъ рѣшился на подвигъ отважный. Взявъ 12,000 войска, онъ двинулся въ предѣлы Турціи и быстро направился къ неприступному Карсу. Въ восемь дней онъ совершилъ походъ отъ границы нашей до этой грозной крѣпости, успѣвъ разбить турокъ старавшихся задержать его на пути, и не стоялъ подъ Карсомъ и четырехъ дней. Крѣпость, съ укрѣпленнымъ лагеремъ, сильнымъ гарнизономъ и всѣми средствами къ защитѣ, об-

ведена была тремя каменными стѣнами, съ цитаделью на высокой горѣ, но не устояла она передъ могучими полками славнаго полководца, и 23 іюня, въ 8 часовъ утра, русскія знамена уже развѣвались на стѣнахъ Карса.

Наведя ужасъ своимъ блистательнымъ подвигомъ на окрестныя области, русскій полководецъ вдругъ обратился въ тылъ отъ Карса, перевалилъ черезъ верхній хребетъ горъ Чалдырскихъ, и внезапно появился подъ стѣнами Ахалкалаки. Такое неожиданное появленіе русскихъ и удачное дѣйствіе нашей артиллеріи привели въ трепетъ гарнизонъ крѣпости, часть его бѣжала и Ахалкалаки покорились русскому оружію.

Въ это время къ предѣламъ Гуріи, по дорогѣ Ахалцыхской, двигалось подъ начальствомъ двухъ знатныхъ пашей 30,000 турокъ. Узнавъ объ этомъ, графъ Паскевичъ ускореннымъ маршемъ поспѣшилъ къ этой крѣпости. Преодолѣвая нестерпимый зной, войско совершило неимовѣрно трудный переходъ чрезъ высокія хребты горъ, покрытыя густыми лѣсами, по непроходимымъ тропинкамъ, утесамъ и скаламъ, чрезъ которые съ величайшими усиліями солдаты поднимали орудія и обозы... 4-го августа войска наши подошли къ переправѣ на р. Курѣ, въ шести верстахъ отъ Ахалцыха,—въ то же время явились и оба паши.

Ахалцыхъ, основанный кавказскими удальцами въ ущельяхъ горъ, на неприступныхъ скалахъ и утесахъ, славился воинственностью своихъ жителей. Въ ночь на 9 августа графъ Паскевичъ обошелъ городъ съ восемью батальонами пѣхоты, частію своей кавалеріи и на разсвѣтѣ явился передъ тридцати тысячнымъ турецкимъ корпусомъ: завязалось кровопролитное сраженіе продолжавшееся двѣнадцать часовъ. Паскевичъ разбилъ на-голову

того и другаго пашу, разсѣялъ ихъ войска, овладѣлъ укрѣпленными лагерями, всею артиллеріею и отбитыя у непріятеля орудія обратилъ на Ахалцыхъ.

Увѣренный въ своихъ силахъ паша ахалцыхскій отвергнулъ всѣ предложенія о сдачѣ. Трехдневный огонь нашихъ баттарей не поколебалъ его упорства, тогда Паскевичъ рѣшился на штурмъ. 15-го августа полки наши ворвались въ городъ, но здѣсь ожидалъ ихъ бой отчаянный. Сраженіе длилось сряду тринадцать часовъ, среди пожара, объявшаго весь городъ. Главнокомандующій съ рѣдкимъ искусствомъ поддерживалъ ослабѣвавшія силы своихъ колоннъ, посылалъ полки за полками, ввелъ въ дѣло весь свой корпусъ,—и побѣдилъ: утромъ 16-го августа русское знамя развѣвалось на крѣпости Ахалцыхской.

Успѣхи русскаго оружія въ 1828 г. въ Европѣ, въ Азіи, на сушѣ и на морѣ, имѣли послѣдствіями: занятіе двухъ княжествъ, бо́льшей половины Болгаріи и значительной части Анатоліи, покореніе 14 крѣпостей и взятіе въ плѣнъ 30,000 человѣкъ, съ девятью пашами, 400 знаменами и 1200 орудіями.

Въ началѣ войны въ Европейской Турціи въ 1829 г., армія стоявшая на Дунаѣ и подкрѣпленная новыми силами, за болѣзнію фельдмаршала Витгенштейна, была ввѣрена главному начальству графа Дибича. Фельдмаршалъ рѣшился не прежде двинуть силы наши черезъ Балканы, какъ овладѣвъ Силистріей, покореніе которой было необходимо для обезпеченія вообще всѣхъ дѣйствій нашихъ за Дунаемъ, и 5-го мая войска наши явились подъ Силистріей.

Между тѣмъ великій визирь Решидъ-паша выступилъ изъ Шумлы съ 40,000 лучшихъ войскъ и осадилъ Пра-

воды, отстоящія отъ Шумлы на сорокъ верстъ; генералъ Куприяновъ, занимавшій Праводы, далъ знать главнокомандующему о выходѣ непріятеля изъ неприступной позиціи его. Графъ Дибичъ того только и ждалъ. Оставивъ подъ Силистріей корпусъ генерала Красовскаго, онъ съ 21,000 человѣкъ и 94 орудіями двинулся 24 мая на Балканы, съ намѣреніемъ отрѣзать линію соединенія визиря съ Шумлою и принудить его къ сраженію. Дибичъ шелъ безъ отдыха, „суворовскими маршами“, искусно скрывалъ свое движеніе, и въ пятый день сталъ въ тылу Решида-паши. Визирь, не подозрѣвая грозившей ему опасности, спокойно занимался осадою Праводъ; узнавъ наконецъ о появленіи русскихъ въ тылу своемъ, онъ принялъ ихъ за слабый отрядъ, дерзнувшій запереть ему дорогу въ Шумлу, и сверхъ всякаго ожиданія, въ тѣснинахъ Кулевчи, встрѣтилъ самаго Дибича. Постигнувъ всю опасность своего положенія, Решидъ-паша рѣшился пробиться сквозь русскую армію. Загорѣлся продолжительный и ожесточенный бой; отъ мѣткаго огня нашихъ баттарей, управляемыхъ самимъ начальникомъ штаба, генераломъ Толемъ, непріятельскія орудія смолкли, враги дрогнули... Пользуясь мгновеніемъ, Дибичъ двинулъ всю пѣхоту впередъ: колонны ударили въ штыки. Турки обратились въ бѣгство и разсѣялись въ горахъ, оставивъ на полѣ битвы до 5,000 труповъ, весь обозъ, артиллерію и знамена. Великій визирь, увидя себя отрѣзаннымъ отъ Шумлы, обратился на Камчикъ, какъ на единственную дорогу, оставшуюся для него открытою, и 1-го іюня успѣлъ, однако же, войдти въ Шумлу и стянулъ къ себѣ всѣ отряды, охранявшіе пути въ горныхъ ущельяхъ и перевалахъ,—и тѣмъ открылъ тѣснины Балканскія. Графъ Дибичъ рѣшился воспользовать-

ся оплошностью непріятеля и только ждалъ покоренія Силистріи, чтобъ перейти Балканы. Доведенная дѣятельностью и искусствомъ генерала Красовскаго до невозможности продолжать оборону, Силистрія 19 іюня сдалась. Главнокомандующій немедленно перевелъ корпусъ, осаждавшій Силистрію подъ Шумлу и поручилъ генералу Красовскому запереть Решида-пашу въ ея стѣнахъ, а самъ съ остальными войсками двинулся въ горы, чтобы еще далѣе углубиться на югъ.

Между тѣмъ морскія силы наши въ Черномъ морѣ и Архипелагѣ, по распоряженію самаго государя императора, соображая свои дѣйствія съ дѣйствіями графа Дибича, овладѣли приморскими крѣпостями въ Румеліи, Инадою и Эносомъ, и тѣмъ вошли въ связь съ арміею сухопутною.

Тогда графъ Дибичъ прямо пошелъ на Адріанополь, вторую столицу имперіи оттоманской, и 8-го августа явился подъ стѣнами ея съ 30,000 войскомъ. Турки очистили Адріанополь. Толпы народа, избѣгая кровопролитія, вышли изъ города съ привѣтствіями на встрѣчу нашихъ войскъ, и многолюдный, въ 150,000 жителей, Адріанополь занятъ безъ боя. Казачьи же наши разъѣзды, углубляясь все далѣе, были уже въ ста двадцати верстахъ отъ самаго Константинополя...

Перезимовавъ въ Тифлисѣ, графъ Паскевичъ весною 1829 г. сосредоточилъ въ окрестностяхъ Карса весь свой корпусъ въ 18,000 человѣкъ, и въ іюнѣ мѣсяцѣ, разбивъ двухъ турецкихъ пашей, быстро двинулся къ стѣнамъ Эрзерума. Не желая испытать участи Ахалцыха, сераскиръ сдался военноплѣннымъ.

27-го сентября Паскевичъ снова разбилъ 10,000 турокъ, подъ начальствомъ присланнаго султаномъ новаго

сераскира, Огху-паши, и уже намѣревался проникнуть далѣе внутрь Анатоліи, когда вѣсть о мирѣ получена была въ его лагерѣ и положила конецъ враждебнымъ дѣйствіямъ въ Малой Азіи.

Полномочные султана Махмуда II прибыли въ Адріанополь и, послѣ непродолжительныхъ споровъ, подписали предложенныя имъ условія мира. Турція уступала Россіи, въ Азіи, всѣ укрѣпленныя мѣста, которыя были взяты нами на восточномъ берегу Чернаго моря, сверхъ того, часть пашалыка Ахалцыхскаго и наконецъ Анапу, Поти и Ахалкалаки,—крѣпости необходимыя для безопасности Закавказскаго края. Въ Европѣ, Прутъ и нижній Дунай назначались границею русской имперіи со стороны Бессарабіи; въ Азіи—по чертѣ, проведенной такимъ образомъ, что Ахалцыхъ и Ахалкалаки остались во владѣніи Россіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, Турція должна была предоставить русскимъ устья Дуная, равно какъ и острова отъ нихъ зависящіе *).

Что касается до Молдавіи, Валахіи и Сербіи, то султанъ обязался даровать этимъ княжествамъ всѣ права, обѣщанныя разными гатти-шерифами, Бухарестскимъ трактатомъ и Аккерманскою конвенціею 1826 года, на основаніи которой постановлено возвратить Сербіи шесть округовъ, отторгнутыхъ отъ этаго княжества. Босфоръ и Дарданеллы открыть всѣмъ безъ изъятія торговымъ судамъ дружественныхъ съ Портою державъ. Признать безусловно независимость Греціи.

Видя изнеможеніе Порты, ослабленной послѣднею войною съ Россіею и внутренними мятежами, паша египетскій Мегметъ-Али замыслилъ свергнуть съ себя власть

*) Граница эта, по Парижскому миру 1856 г., измѣнилась.

султана, подъ разными предлогами пересталъ платить дань и отказался помогать ему войскомъ. Въ 1833 году онъ возсталъ явно, ввелъ сильное египетское войско въ подвластную Портѣ Сирію и овладѣлъ всею этою страною. Турецкія войска были разбиты, и дорога въ Константинополь открыта. Авангардъ египетской арміи, подъ начальствомъ Ибрагима, сына Мегметъ-Али, занялъ Смирну и появился въ окрестностяхъ Бруссы.

Императоръ Николай Павловичъ вовсе не хотѣлъ имѣть, вмѣсто турокъ, какихъ-либо другихъ, болѣе опасныхъ сосѣдей, и потому два раза явился защитникомъ Порты отъ нападеній мятежнаго паши египетскаго. Признательность турецкаго правительства выразилась заключеніемъ, въ 1833 г., оборонительнаго трактата, на восемь лѣтъ, въ Ункяръ-Искелесси (близъ Скутари) *), на основаніи котораго Россія обязалась содѣйствовать Портѣ въ случаѣ надобности военною помощью, а Порта— не дозволять никакимъ иностраннымъ военнымъ кораблямъ входить въ Дарданельскій проливъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ.

При первомъ извѣстіи о возстаніи египетскаго паши, государь рѣшился оказать существенную услугу турецкому султану и далъ повелѣніе Черноморскому флоту отправиться на защиту Константинополя. Эскадра контръ-адмирала Лазарева снялась съ якоря въ Севастополѣ и на всѣхъ парусахъ полетѣла къ Босфору. Вскорѣ за тѣмъ, еще 20 русскихъ кораблей, подъ главнымъ начальствомъ графа Орлова, встали на якорѣ предъ Буюкдере, а 10,000 человѣкъ пѣхоты расположились лагеремъ на азіатскомъ берегу у Хункіаръ-Скелесси, подъ

*) Иначе, — Хункіаръ-Келесси.

начальствомъ генерала Муравьева, готоваго встрѣтить и отразить авангардъ Ибрагима.

Вслѣдствіе такого распоряженія, Мегметъ-Али отозвалъ войска свои изъ Малой Азіи, и какъ скоро египетская армія перешла горы Таврскія, графъ Орловъ посадилъ отрядъ Муравьева на суда и возвратилъ флотъ въ Севастополь.

Махмудъ II умеръ 19-го іюня 1839 г., и на престолъ вступилъ султанъ Абдулъ-Меджидъ.

Русскіе государи искони покровительствовали сплеменнымъ и единовѣрнымъ народамъ, находящимся подъ властію Турціи. По Адріанопольскому договору 1829 г. покровительство это утверждено было особою статьею, которою обезпечена полная свобода богослуженія христіанъ православныхъ во всѣхъ турецкихъ владѣніяхъ, и подтверждены всѣ привиллегіи и права церкви грекоосточной, которыми она пользовалась съ незапамятныхъ временъ.

Но издавна уже послѣдователи православной и римско-католической церквей соперничали между собою, по поводу различныхъ льготъ и преимуществъ, коими пользовались поклонники обоихъ исповѣданій при посѣщеніи святыхъ мѣстъ, бывшихъ поприщемъ земной жизни Спасителя, — Іерусалима и Виѳлеема.

По происканъ императора французскаго Наполеона III, желавшаго возжечь на востокѣ войну и питавшаго ненависть къ Россіи за паденіе и гибель дяди своего Наполеона I, также, кромѣ того, въ особенности за то, что государь Николай I призналъ его императоромъ позже всѣхъ другихъ европейскихъ монарховъ и въ такой формѣ, которая породила злобу въ новомъ повелителѣ Франціи, — турецкое правительство стало стѣснять права и

преимущества православной церки, и по требованію Франціи, въ 1852 г., предоставила въ ея зависимость и завѣдываніе:

1) Большой куполъ и церковь св. Гроба,
2) Малый куполъ и гробъ Іисуса Христа,
3) Камень мѵропомазанія,
4) Часовню пресвятой Богородицы,
5) Большую церковь въ Виѳлеемѣ,
6) Алтарь Рождества Христова,
7) Церковь Благовѣщенія и
8) ключъ отъ главныхъ дверей церкви Гроба Господня.

Императоръ Николай I, будучи государемъ единственной самостоятельной страны, исповѣдующей ученіе греческой церкви, былъ природнымъ защитникомъ Православія и всѣхъ православныхъ, связанныхъ съ Россіею неразрывными узами единовѣрія; посягать на права ихъ значило—посягать на права Россіи.

Государь не могъ оставить беззащитными единовѣрныхъ христіанъ, полданныхъ Турціи, и истощивъ, чрезъ своихъ представителей при Оттоманской Портѣ всѣ убѣжденія и доводы, повелѣлъ въ мартѣ 1853 г. кн. Меншикову отправиться въ качествѣ чрезвычайнаго посла, для переговоровъ въ Константинополь. Порта, подстрекаемая посланниками Франціи и Англіи, на всѣ миролюбивыя предложенія наши отвѣчала грубымъ отказомъ, и кн. Меншиковъ въ своихъ переговорахъ не имѣлъ никакого успѣха, тогда императоръ Николай повелѣлъ объявить султану, что онъ вынужденъ занять, временно, Молдавію и Валахію. Порта все еще не давала рѣшительнаго отвѣта, а тѣмъ временемъ англо-французская эскадра заняла Дарданеллы, какъ бы въ угрозу Россіи.

14-го іюня послѣдовалъ памятный Высочайшій манифестъ о предстоящемъ занятіи русскими войсками Дунайскихъ княжествъ. Вотъ онъ:

„Извѣстно любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ, что защита Православія была искони обѣтомъ блаженныхъ предковъ Нашихъ.

„Съ того самаго времени, когда Всевышнему промыслу угодно было вручить Намъ наслѣдственный престолъ, охраненіе сихъ святыхъ обязанностей, съ нимъ неразлучныхъ, было предметомъ заботливости и попеченій Нашихъ, и они, имѣя основаніемъ достославный Кайнарджійскій договоръ, подтвержденный послѣдующими торжественными трактатами съ Оттоманскою Портою, всегда направлены были къ обезпеченію правъ Церкви Православной.

„Но къ крайнему прискорбію, въ послѣднее время, вопреки всѣхъ усилій Нашихъ защитить неприкосновенность правъ и преимуществъ Нашей православной церкви, многія самопроизвольныя дѣйствія Порты нарушали сіи права и грозили, наконецъ, совершеннымъ ниспроверженіемъ всего увѣковѣченнаго порядка, столь православію драгоцѣннаго.

„Старанія Наши удержать Порту отъ подобныхъ дѣйствій остались тщетными и даже торжественно данное Намъ самимъ султаномъ слово, было вскорѣ вѣроломно нарушено.

„Истощивъ всѣ убѣжденія и съ ними мѣры миролюбиваго удовлетворенія справедливыхъ Нашихъ требованій, признали Мы необходимымъ двинуть войска Наши въ Придунайскія Княжества, дабы показать Портѣ, къ чему можетъ вести ея упорство. Но и теперь не намѣрены Мы начинать войны; занятіемъ Княжествъ Мы хотимъ имѣть

въ рукахъ Нашихъ такой залогъ, который бы во всякомъ случаѣ ручался Намъ въ возстановленіи Нашихъ правъ.

„Не завоеваній ищемъ Мы: въ нихъ Россія не нуждается, Мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушеннаго. Мы и теперь готовы остановить движеніе Нашихъ войскъ, если Оттоманская Порта обяжется свято наблюдать неприкосновенность православной церкви. Но если упорство и ослѣпленіе хотятъ противнаго, тогда, призвавъ Бога на помощь, Ему предоставимъ рѣшить споръ Нашъ и съ полной надеждой на Всемогущую Десницу, пойдемъ за Вѣру Православную".

Враждебныя дѣйствія въ 1853 году начались внезапнымъ нападеніемъ турокъ, безъ прямаго объявленія намъ войны, на пограничный постъ св. Николая, на восточномъ берегу Чернаго моря. Турки, въ огромныхъ силахъ, высадившись съ 80-ти судовъ темною ночью, 15 октября, напали на малочисленный гарнизонъ форта, истребили его такъ, что изъ 400 человѣкъ осталось только двадцать четыре храбреца, успѣвшихся спастись и израненныхъ до-нельзя, и предавшись всякимъ неистовствамъ, перерѣзали бо́льшую часть жителей, не пощадивъ ни женщинъ, ни дѣтей. Священнику поста изверги отпилили голову.

Государь манифестомъ 20 октября объявилъ о вѣроломномъ поступкѣ турокъ, въ которомъ было сказано:

„Россія вызвана на брань; ей остается, возложивъ упованіе на Бога, прибѣгнуть къ силѣ оружія, чтобы понудить Порту къ соблюденію трактатовъ и къ удовлетворенію за тѣ оскорбленія, которыми отвѣчала она на самыя умѣренныя Наши требованія и на законную заботливость Нашу о защитѣ на Востокѣ Православной вѣры, исповѣдуемой и народомъ русскимъ".

Появленіе англо-французской эскадры, 27 октября, у входа въ Черное море, явно направленное противъ Россіи, хотя державы эти и находились съ нами въ мирѣ, вызвало противодѣйствіе со стороны государя. Необходимо было обезпечить отъ турокъ наши азіатскія владѣнія на Кавказѣ, гдѣ они надѣялись на возстаніе жителей, которое Турція намѣревалась поддерживать, снабжая горцевъ оружіемъ и боевыми припасами. Съ этою цѣлью довольно значительная турецкая эскадра, выйдя изъ Босфора, укрылась, по случаю наставшей бурной погоды, въ Синопѣ *). Для наблюденія за нею выслано было изъ Севастополя три корабля, подъ командою вице-адмирала Нахимова; къ нему присоединилась эскадра контръ-адмирала Новосильскаго, состоявшая изъ шести судовъ, и тогда Нахимовъ рѣшился аттаковать турокъ въ Синопской гавани. Тамъ, подъ защитою шести береговыхъ баттарей, стояла непріятельская эскадра Османа-паши изъ двухъ пароходовъ и двѣнадцати парусныхъ фрегатовъ и меньшихъ судовъ.

Ровно въ полдень, 18 ноября, русская эскадра на всѣхъ парусахъ двинулась въ Синопскій заливъ двумя колоннами. Первую, на кораблѣ „Императрица Марія“ велъ Нахимовъ; вторую колонну велъ контръ-адмиралъ Новосильскій. Турецкій флотъ, расположенный полукругомъ въ глубинѣ залива, встрѣтилъ русскія корабли сильнымъ огнемъ со всѣхъ своихъ судовъ и береговыхъ баттарей. Корабль „Императрица Марія“, осыпаемый ядрами, смѣло шелъ впередъ, обстрѣливая суда мимо ко-

*) Синопъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Анатоліи, нѣкогда былъ столицею Понтійскаго царства, потомъ покоренъ римлянами, отъ нихъ перешелъ во власть грековъ и, наконецъ, завоеванъ турками. Въ городѣ много грековъ-христіанъ.

торныхъ проходилъ, и бросилъ якорь противъ адмиральскаго фрегата „Ауни-Аллахъ“, который не выдержавъ и получасоваго огня, отклепалъ цѣпь и выбросился на берегъ подъ защиту баттарей. Тогда Нахимовъ направилъ огонь своихъ орудій на фрегатъ „Фазли-Аллахъ“,— и потопилъ его. Затѣмъ поспѣшилъ на помощь къ судамъ второй колоннѣ, которая также стройно вытянувшись противъ непріятельской линіи дѣйствовала съ отличнымъ успѣхомъ. Корабль „Парижъ“, на которомъ находился контръ-адмиралъ Новосильскій, взорвалъ 22 пушечный корветъ; корабль „Константинъ“ — два 60 пушечные фрегата и одинъ корветъ. Сбитыя непріятельскія баттареи смолкли. Въ пятомъ часу вечера битва была уже кончена. Турецкія суда, взлетая одинъ за другимъ, горящими обломками зажгли часть Синопа, испуганные жители котораго совсѣмъ покинули городъ.

Въ Синопской битвѣ уничтожено 13 непріятельскихъ судовъ; потеря турокъ убитыми и потонувшими болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ; въ плѣнъ взято до двухъ сотъ. Въ числѣ плѣнныхъ находились: начальникъ эскадры, Османъ-паша, раненый въ ногу, и два командира фрегатовъ. Изъ всѣхъ непріятельскихъ судовъ, лишь одинъ параходъ „Таифъ“ успѣлъ уйти въ Константинополь и принесъ туда вѣсть о гибели турецкой эскадры *).

20 ноября русскіе корабли, исправивъ свои поврежденія, снялись съ якоря, и при помощи параходовъ которые вели на буксирѣ суда съ перебитыми мачтами, направились къ Севастополю.

Герой Синопской битвы вице-адмиралъ Нахимовъ награжденъ былъ, при Высочайшей на имя его грамотѣ,

*) Параходомъ „Таифъ“ командовалъ англичанинъ-ренегатъ Слейдъ.

орденомъ св. Георгія 2 степени; сподвижнику его, контръ-адмиралу Новосильскому пожалованъ орденъ св. Георгія 3 степени.

По занятіи нашими войсками Дунайскихъ княжествъ, Молдавіи и Валахіи, подъ главнымъ начальствомъ генерала отъ артиллеріи князя М. Д. Горчакова, военныя дѣйствія на Дунаѣ въ 1853 г. начались также неожиданнымъ нападеніемъ турокъ, хотя еще не истекъ срокъ для начатія враждебныхъ дѣйствій. Темною ночью, турки переправились на лѣвый берегъ, насупротивъ крѣпости Туртукая, и оттѣснили тамъ стоявшій нашъ пикетъ. Въ ночь на 20 октября непріятель успѣлъ снова переправить на лодкахъ сильныя пѣхотныя колонны, занявшія каменный карантинъ у Ольтеницы; къ 22 числу турки вполнѣ укрѣпились около карантина и вооружили нѣсколько баттарей; переправа черезъ Дунай къ Ольтеницѣ продолжалась. Необходимо было ихъ выбить отсюда и очистить лѣвый берегъ Дуная.

Утромъ 23 октября началось славное дѣло Ольтеницкое. Спокойно, съ увѣренностью пошли наши полки въ бой, противъ столь сильной позиціи, какую представлялъ карантинъ. При открытой мѣстности, съ каждымъ шагомъ впередъ, опасность становилась грознѣе... Но вотъ загрѣмѣла наша артиллерія; непріятель отвѣчалъ изъ 35 орудій и нѣсколькихъ мортиръ съ праваго берега Дуная и съ укрѣпленій карантина, но выстрѣлы наши ложились удачно и турецкіе зарядные ящики взлетали одинъ за другимъ... Наконецъ, орудія наши подскакали на 120 саженъ къ непріятельскому укрѣпленію и стали осыпать его картечью. Въ это же время стройно и дружно двинулись наши колонны на штурмъ укрѣпленій и карантина, подъ губительнымъ батальнымъ и картечнымъ огнемъ.

Выбивъ непріятеля изъ окоповъ, полки снова отошли на прежнюю позицію, а турки черезъ нѣсколько дней зажгли карантинъ, весь избитый русскими ядрами, и снова перебрались на правый берегъ Дуная.

Второе замѣчательное сраженіе съ турками, на лѣвомъ берегу Дуная, было при селеніи Четати, которое занято было нами для воспрепятствованія непріятелю, занимавшему Калафатъ, получать по Дунаю запасы продовольствія. Въ самый праздникъ Рождества Христова, 25 декабря, на разсвѣтѣ показались огромныя массы непріятельской кавалеріи, съ 10 конными орудіями и густыми колоннами пѣхоты; приблизительно ихъ былъ до 18,000. Полковникъ Баумгартенъ, стоявшій въ Четати съ Тобольскимъ полкомъ, шестью конными орудіями, эскадрономъ гусаръ и сотнею казаковъ, рѣшился вступить въ бой съ многочисленнымъ непріятелемъ. Тобольцы мужественно, подъ картечными выстрѣлами, отбивали штыками аттаки непріятеля, но ряды храбрецовъ рѣдѣли, оказался недостатокъ въ зарядахъ, а турки, надѣясь на свою многочисленность, напирали какъ угорѣлые—вдругъ въ тылу непріятеля послышались пушечные выстрѣлы... Оторопѣлые турки смѣшались.

Отрядъ, спѣшившій на номощь тобольцамъ, велъ генералъ Бельгардтъ; съ нимъ былъ Одесскій егерскій полкъ, эскадронъ гусаръ, сотня казаковъ и шесть легкихъ конныхъ орудій. Подъ губительнымъ перекрестнымъ огнемъ, отважно бросились одесцы на выручку товарищей, и центръ непріятельской боевой линіи былъ прорванъ. Изнуренные неравною битвою тобольцы безпрепятственно отступили и соединясь съ отрядомъ генерала Бельгардта, весело, при свѣтѣ бивачныхъ огней, праздновали день Рождества Христова и геройскій бой при Че-

тати, гдѣ $6^1/_2$ батальоновъ пѣхоты, три эскадрона и двѣ сотни казаковъ, отстоялись противъ въ десятеро сильнѣйшаго непріятеля... Селеніе Четати было очищено отъ турокъ.

Императоръ Николай Павловичъ, въ воздаяніе отличнаго подвига, оказаннаго нашими войсками въ сраженіи при Четати, наградилъ: полковника Баумгартена чиномъ генералъ-маіора и орденомъ св. Георгія 3 степени; генералъ-маіора Бельгардта—золотою шпагою, съ брилліантами, съ надписью: «за храбрость».

Послѣ славнаго дѣла при Четати и пораженія турецкихъ войскъ генераломъ Хрулевымъ при Каларашѣ, до весны 1854 г. не произошло никакихъ замѣчательныхъ столкновеній съ непріятелемъ. Многоводный Дунай раздѣлялъ двѣ враждебныя арміи. Лѣвый берегъ этой широкой рѣки былъ покрытъ частою цѣпью русскихъ постовъ; на правомъ берегу грозно высились турецкія укрѣпленія и сильные непріятельскіе корпуса оберегали переправу черезъ Дунай.

Съ самаго начала весны подготовительныя работы для переправы стали производиться съ усиленною дѣятельностью. При Галацѣ и Браиловѣ строились понтоны *) и измѣрялись броды. Весь февраль мѣсяцъ и начало марта стояла погода бурная и дождливая, препятствовавшая наводкѣ мостовъ. Главнокомандующій князь Горчаковъ рѣшился 11-го марта, на разсвѣтѣ, начать переправу русской арміи черезъ Дунай. Войска переправились черезъ эту рѣку одновременно въ трехъ мѣстахъ:

*) Понтоны — безпалубныя суда, ставятся поперегъ теченія рѣки, и каждое понтонное судно удерживается на мѣстѣ четырьмя якорями; послѣ того на суда набрасываютъ настилку моста.

у Галаца, подъ начальствомъ храбраго генерала Лидерса, у Браилова, подъ распоряженіемъ самаго главнокомандующаго, и у мыса Четала, подъ командою генерала Ушакова. Въ первыхъ двухъ пунктахъ переправа была вполнѣ успѣшна и удачна; самое сильное сопротивленіе со стороны непріятеля встрѣтили войска генерала Ушакова. Турецкій берегъ у мыса Четала былъ сильно укрѣпленъ баттареями, съ глубокими болотистыми рвами. Высадившись на берегъ, батальоны Могилевскаго и Смоленскаго полковъ, съ громкимъ «ура» дружно ударили на укрѣпленія и выбили турокъ штыками со всей ихъ позиціи; непріятель побѣжалъ къ Бабадагу, покинувъ даже и укрѣпленія свои у города Тульчи и Исакчи. Русскіе вступили въ единоплеменную намъ Болгарію, братски принимаемые единовѣрцами.

Послѣ переправы войскъ на правый берегъ Дуная, отрядъ генерала Лидерса сосредоточился при Мачинѣ, а отсюда двинулся къ Гирсову; вмѣстѣ съ этимъ вверхъ по Дунаю поднялся отрядъ дунайской гребной флотиліи, подъ командою генерала Шильдера, для занятія острововъ, ниже крѣпости Силистріи, и возведенія на нихъ баттарей. Къ 26-му апрѣлю былъ наведенъ мостъ и постоянное сообщеніе между обоими берегами утвердилось прочно.

Мая 4-го, съ разсвѣтомъ, на Силистрійскихъ высотахъ блеснули штыки авангарда Лидерса, а къ вечеру и весь отрядъ: изъ 38 батальоновъ пѣхоты, 16 эскадроновъ кавалеріи, при 104 орудіяхъ и двухъ казачьихъ полковъ,—сталъ лагеремъ подъ Силистріею.

Начальство надъ всѣмъ осаднымъ корпусомъ принялъ на себя генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій, графъ Паскевичъ Эриванскій.

Главнокомандующій, находя нужнымъ укрѣпить нашъ лагерь, лично избралъ и указалъ мѣста для возведенія редутовъ и полевыхъ укрѣпленій, которые служили бы опорными пунктами расположенія осаднаго корпуса, и счелъ необходимымъ имѣть два моста для сообщенія между обоими берегами и, кромѣ того, между островами и правымъ берегомъ Дуная—содержать переправу на гребныхъ судахъ и канонерскихъ лодкахъ.

Осадныя работы начались весьма успѣшно, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ инженернаго генерала Шильдера, хотя непріятель постоянно, при смѣнѣ нашихъ рабочихъ и траншейныхъ карауловъ, открывалъ пушечную пальбу и ружейный огонь, и неоднократно дѣлалъ вылазки, но всегда былъ отражаемъ съ успѣхомъ нашими храбрыми войсками.

Одна изъ подобныхъ вылазокъ, въ ночь съ 16 на 17 мая на лѣвый флангъ нашихъ работъ, заслуживаетъ вниманіе. Начальствовавшій наибольшею частію, находившихся тогда въ траншеяхъ нашихъ войскъ, генералъ Сельванъ, предполагая, что непріятель обратилъ главныя силы свои на правый флангъ и оставилъ «Арабское» укрѣпленіе занятымъ весьма слабо, счелъ полезнымъ воспользоваться такимъ случаемъ и овладѣть укрѣпленіемъ открытою силою. Въ эту ночь на работахъ находился батальонъ Полтавскаго полка, а въ траншеяхъ батальонъ Александропольскаго егерскаго. Войска эти, выстроившись въ одну линію, въ колоннахъ къ аттакѣ, быстро двинулись впередъ къ укрѣпленію «Арабъ-Табіа»; разстояніе отъ нашихъ траншей до этого укрѣпленія было около трехсотъ шаговъ. Темнота ночи и тишина движенія дали Александропольцамъ возможность приблизиться къ форту совершенно скрытно, но когда, шаговъ за пятьдесятъ до укрѣ-

пленія, раздался нашъ барабанный бой, турки встрѣтили наступающихъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, —однако же это не остановило батальона. Алексопольцы съ крикомъ «ура» бросились впередъ и не имѣя при себѣ ни лѣстницъ, ни фашинъ, живо спустились въ ровъ укрѣпленія, откуда съ неимовѣрными усиліями, въ темнотѣ, поддерживая другъ друга ощупью, стали взбираться на крутой валъ. Черезъ четверть часа и валъ, и амбразуры съ орудіями уже были въ нашихъ рукахъ. Въ числѣ первыхъ вошедшихъ былъ флигель-адъютантъ полковникъ графъ Орловъ. Во время упорнаго рукопашнаго боя былъ пораженъ пулею смертельно, подошедшій ко рву, генералъ Сельванъ,—и тогда же въ тылу нашихъ раздался сигналъ къ отбою... Не легко было побѣдителямъ отступать, снова спускаясь въ ровъ и взлѣзать на верхъ почти полуторасаженной крутой стѣны, подъ выстрѣлами ободренныхъ нашимъ отступленіемъ турокъ, и потому аттака эта, при всемъ порывѣ и храбрости войскъ, успѣха не имѣла.

28-го мая, подъ личнымъ начальствомъ фельдмаршала, была предпринята общая рекогносцировка осаднаго корпуса, съ цѣлью обозрѣнія отдѣльныхъ непріятельскихъ укрѣпленій и расположенія турецкихъ войскъ, а также съ намѣреніемъ показать непріятелю значительность нашихъ силъ. Въ наступленіи учавствовали: авангардъ генерала Хрулева и отряды генераловъ Гротенгельма, Павлова и Артамонова, всего 31 батальонъ, 32 эскадрона, 8 казачьихъ сотенъ, съ 10 пѣшими и 2 конными баттареями; прочія войска оставались въ лагерѣ.

Войска князя Варшавскаго двинулись въ походной колоннѣ по направленію на Калопетра, но лишь только авангардъ Хрулева миновалъ это селеніе, какъ непрія-

тельская кавалерія бросилась на казаковъ, однако сбитые колодецкою аттакою улановъ Вознесенскаго полка, турки въ совершенномъ безпорядкѣ побѣжали подъ защиту крѣпостныхъ укрѣпленій, потерявъ знамя, 60 человѣкъ убитыми и 10 плѣнными.

Непріятель, видя огромную свиту и конвой фельдмаршала, обратилъ на нихъ огонь съ форта «Абдулъ-Меджидъ», и въ то время, какъ его свѣтлость обозрѣвалъ мѣстность, непріятельское ядро упало у самыхъ ногъ его лошади; не почувствовавъ вначалѣ большой боли, князь Варшавскій вскорѣ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ пособію врачей отъ полученія контузіи, и мая 31-го отправился въ Яссы, передавъ начальство надъ войскомъ и продолженіе осады Силистріи князю Горчакову.

Между тѣмъ осадныя работы продолжались подъ непосредственнымъ наблюденіемъ храбраго генерала Шильдера, но 1-го іюня, при обозрѣніи выведенныхъ ночью траншей, онъ былъ раненъ осколкомъ гранаты въ ногу, по отнятіи которой вскорѣ умеръ. Къ 8-му числу іюня заряжены были мины подъ валомъ „Арабскаго“ укрѣпленія и взрывъ былъ произведенъ съ полнымъ успѣхомъ. Въ ночь съ 8 на 9 число назначенъ былъ штурмъ этого укрѣпленія и войска, хорошо обученныя къ употребленію штурмовыхъ лѣстницъ, вошли въ траншеи для занятія назначенныхъ имъ мѣстъ. Кононерскимъ лодкамъ также приказано было, по наступленіи темноты, занять наивыгоднѣйшія позиціи на Дунаѣ, для дѣйствія противъ крѣпости, но въ полночь пришло неожиданное приказаніе, къ крайнему изумленію всѣхъ осаждающихъ войскъ, — снять немедленно осаду и перейти со всѣми силами на лѣвый берегъ Дуная, а потому и штурмъ былъ отмѣненъ. Распоряженіе это послѣдовало вслѣдствіе полученныхъ извѣстій о на-

мѣреніи Англіи и Франціи предпринять военныя дѣйствія противъ Севастополя и приготовленій австрійской арміи встать намъ въ тылъ и заслонить дорогу при отступленіи съ Дуная.

Число войскъ непріятельскаго гарнизона въ Силистріи, по показаніямъ плѣнныхъ, простиралось свыше 20,000 человѣкъ. Отъ частой и мѣткой пальбы нашихъ баттарей, устроенныхъ на лѣвомъ берегу Дуная и на островахъ, Силистрія много пострадала, истреблена пожаромъ казарма, взорванъ пороховой погребъ и сожжено одно изъ предмѣстій.

Снятіе осады началось съ 9 и окончилось 14 іюня.

Едва войска наши успѣли оставить лагерь и переправиться черезъ Дунай, какъ турки начали стягиваться къ правому его берегу и особенно къ Рущуку, куда командовавшій непріятельскою арміею Омеръ-паша привелъ до 45,000 человѣкъ. Отсюда турки успѣли переправиться на островъ Маканъ, съ намѣреніемъ, занявъ крѣпкими силами также островъ Радоманъ, уничтожить отрядъ генерала Соймонова, занимавшій Журжу. Объ этомъ насъ извѣстилъ 13-лѣтній мальчикъ, болгаринъ Райко Николовъ, который проплывъ пространство въ 500 саженъ, едва живой вышелъ шатаясь на берегъ Дуная, предупредилъ о намѣреніи турокъ напасть на Журжевскій отрядъ *).

Пользуясь обширностью острова Радомана, имѣющаго въ окружности болѣе семи верстъ, скрываясь за извилистыми берегами и въ камышахъ, непріятель высаживался одновременно во многихъ мѣстахъ, но вездѣ встрѣчалъ

*) Государь наградилъ за смѣлый поступокъ Райко Николова медалью и приказалъ принять его для образованія въ одно изъ учебныхъ заведеній.

мужественный отпоръ нашихъ егерей, которые сильнымъ натискомъ втаптывали враговъ обратно въ Дунай. До самаго поздняго вечера, на всѣхъ концахъ острова, кипѣлъ кровавый бой, переходившій зачастую въ рукопашный. Опрокидываемый и тѣснимый штыками, непріятель кидался къ своимъ судамъ, но встрѣчаемый съ парохода и съ канонерскихъ лодокъ залпами картечи отъ своихъ же, по привазанію самаго Омера-паши, возвращался поневолѣ на островъ. Турецкій главнокомандующій велѣлъ не щадить своихъ и бить ихъ картечью, когда они обращались въ бѣгство. Такимъ образомъ, съ ранняго утра и до заката солнца, 12 батальоновъ нашего Журжинскаго отряда, подъ начальствомъ генерала Хрулева и Соймонова, удержали 45,000 непріятеля. Наши орудія, выдвинувшись на самый берегъ острова, мѣткимъ огнемъ потопили пятнадцать судовъ, съ переправлявшимися турками, и подбили пароходъ. Потеря непріятеля въ этотъ день простиралась до 6,000 человѣкъ.

Въ ночь съ 25 на 26 іюня, генералъ Саймоновъ приказалъ войскамъ перейти съ острова Радомана на лѣвый берегъ Дуная, затѣмъ разрушилъ мостъ и, очистивъ Журжу, отвелъ ввѣренный ему отрядъ на высоты у селенія Фратешти.

Послѣ дѣла при Журжѣ, турки ничего не предпринимали противъ насъ, а сосредоточивали войска свои въ Рущукѣ, гдѣ силы ихъ достигли въ это время до 100,000. Князь Горчаковъ призналъ необходимымъ продолжать начатое общее движеніе къ сѣверу; 15-го іюля войска потянулись по направленію къ Бухаресту и къ 1-му числу августа 1854 года главныя силы уже расположились на высотахъ г. Рымника.

Войска шли медленно, съ разстановками для отдыха, и въ совершенномъ порядкѣ. Ни одна повозка изъ огромнаго обоза, слѣдовавшаго съ Дуная къ границамъ Россіи, не досталась въ руки непріятеля, который даже не осмѣлился тревожить нашъ аррьергардъ.

Между тѣмъ отрядъ Ушакова, перейдя подъ начальство Лидерса, остался на нижнемъ Дунаѣ.

Военныя дѣйствія на Закавказской границѣ съ Турціею, какъ уже было сказано, начались неожиданнымъ разбойническимъ нападеніемъ и азятіемъ поста св. Николая, 15-го октября 1853 года. Ободренные первою удачею, турки, и въ особенности курды, продолжали грабить наши пограничныя владѣнія. Главныя силы непріятеля, подъ начальствомъ Абди-паши, расположились на правомъ берегу пограничной рѣки Арпачая, въ 15 верстахъ отъ г. Александрополя. Командующій дѣйствующимъ корпусомъ на кавказско-турецкой границѣ князь Бебутовъ, желая получить болѣе точныя свѣдѣнія о расположеніи непріятеля и положить предѣлъ дерзкимъ грабежамъ турокъ, выслалъ 2 ноября къ сел. Баяндуръ отрядъ около 7 тысячъ, съ 24 пѣшими и 4 конными орудіями, подъ командою храбраго командира Грузинскаго полка, генералъ-маіора кн. Орбеліани.

Едва только колонна кн. Орбеліани прошла нѣсколько верстъ отъ г. Александрополя, какъ показались густыя массы непріятельской кавалеріи, которая, при наступленіи нашего отряда впередъ, раздалась въ обѣ стороны, — и войска наши были встрѣчены сильнымъ залпомъ изъ 40 орудій. Въ дыму выстрѣловъ сверкали штыки 30 тысячной пѣхоты, стоявшей за артиллеріей. Итакъ, нашему отряду пришлось имѣть дѣло съ непріятелемъ превосходящимъ его болѣе чѣмъ въ шесть разъ.

Съ обѣихъ сторонъ началась сильная канонада, во время которой курдская кавалерія, обскакавъ правый флангъ нашъ, стремительно бросилась на обозъ и начала грабить вьюки, но подоспѣвшіе два дивизіона Нижегородскихъ драгунъ, ударивъ въ шашки, смяли курдовъ и погнали ихъ къ р. Арпачаю. Между тѣмъ, ожесточенный артиллерійскій бой, начавшійся съ двухъ часовъ пополудни, продолжался, не прекращаясь ни на минуту, до наступленія совершенной темноты.

Услыхавъ сильную канонаду и заключая по гулу выстрѣловъ о многочисленности непріятельской артиллеріи, князь Бебутовъ приказалъ всѣмъ войскамъ, остававшимся въ Александрополѣ, спѣшить на помощь товарищамъ. Отрядъ бѣглымъ шагомъ направился къ мѣсту битвы, но прибылъ только часъ спустя послѣ заката солнца, когда турки ослабили уже свой огонь и, узнавъ объ усиленіи нашего отряда, не дожидаясь утра ночью отступили за пограничный Арпачай.

Общая потеря съ нашей стороны подъ Баяндуромъ простиралась до 800 человѣкъ; потеря непріятеля—до 1000 человѣкъ убитыми и, кромѣ того, во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ размѣщено было множество раненыхъ туровъ.

Для обороны Мингреліи и Гуріи, угрожаемыхъ также вторженіемъ непріятеля, назначена была часть перевезенной моремъ, въ половинѣ октября 1853 года, 13-й пѣхотной дивизіи. Войска эти находились въ окрестностяхъ Ахалцыха. Въ концѣ октября, многочисленныя толпы баши-бузуковъ произвели набѣгъ въ Ахалкалакскій участокъ, разграбили тамъ селенія и опрокинули казаковъ и конную осетинскую милицію, которая разсѣявшись распространила тревогу до самаго Тифлиса. Кн. Бебутовъ немедленно послалъ, черезъ Боржомъ въ Ахалцыхъ гене-

ралъ-лейтенанта князя Андроникова, для принятія начальства надъ тамошнимъ отрядомъ, которымъ командовалъ генералъ Ковалевскій.

Еще въ началѣ октября Али-паша, съ 18,000 регулярнаго войска, 13 орудіями и баши-бузуками, подошелъ къ Ахалцыху; кромѣ того значительные непріятельскіе отряды собирались на гурійской границѣ, противъ Озургетъ, и въ Баязетѣ, противъ Эривани. Пользуясь превосходствомъ силъ, турки утвердились въ ахалцыхскомъ округѣ, учредили свое управленіе и стали набирать туземную милицію.

Крѣпость Ахалцыхъ построена на высотахъ лѣваго берега р. Посховъ-чая. Къ сѣверу отъ крѣпости, по скату къ рѣкѣ, лежитъ Старый городъ, состоящій изъ каменныхъ саклей, а на восточномъ правомъ, низменномъ берегу, — Новый городъ, за которымъ къ югу возвышаются горы Наванетъ-дагъ. Впереди Стараго города идетъ глубокая балка; а потомъ мѣстность образуетъ равнину, по направленію къ сел. Суплисъ. Долина рѣки, на лѣвомъ берегу противъ Суплиса, шириною болѣе версты, окаймляется обрывомъ саженъ въ восемь.

12-го ноября прибылъ въ Ахалцыхъ кн. Андрониковъ. Онъ рѣшился аттаковать турокъ, занимавшихъ на высотахъ р. Посховъ-чай весьма сильную и укрѣпленную позицію отъ сел. Суплиса до сел. Абъ; высокій хребетъ Наванетъ-дагъ былъ также занятъ непріятелемъ.

14-го ноября, съ разсвѣтомъ, русскіе двинулись двумя колоннами. Лѣвая колонна генерала Ковалевскаго, перейдя лощину, взошла на высоты Посховъ-чая и, выдвинувъ 14 орудій, открыла огонь по непріятельскимъ баттареямъ праваго берега рѣки, между тѣмъ какъ другая колонна, генерала Бруннера, должна была перейти рѣку и аттако-

вать сады сел. Суплиса, но вскорѣ батальоны и генерала Ковалевскаго двинулись на штурмъ этого селенія.

Между тѣмъ пальба болѣе и болѣе усиливалась съ обѣихъ сторонъ, на пространствѣ квадратной версты, гремѣло болѣе 30 орудій. Густыя облака дыма разостлались до того, что въ пятидесяти шагахъ никого не было видно. Выждавъ удобное время для атаки, кн. Андрониковъ приказалъ двумъ батальонамъ Виленскаго полка спуститься съ высотъ на дно долины Посховъ-чая, перейти рѣку и взять аулъ Суплисъ. Ни глубина рѣки, ни высокій обрывистый берегъ, ни ружейный огонь, производимый съ 50 и 70 саженъ, не могли остановить нашихъ егерей, которые перейдя быструю Посховъ-чай въ бродъ, причемъ вода доходила по грудь, — бросились на аулъ. Часть турокъ засѣла въ сакляхъ и стрѣляла изъ оконъ и дверей жаркая перестрѣлка закипѣла и въ садахъ.

Одновременно съ нападеніемъ Виленскихъ егерей, генералъ Бруннеръ съ батальонами Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ, кинулся въ сады и послѣ упорнаго, кровопролитнаго боя—турки были выбиты совершенно изъ аула, саклей и садовъ. Затѣмъ, принявъ начальство надъ передовыми войсками, генералъ Бруннеръ сомкнулъ колонны и стройно двинулся далѣе. Турки безостановочно отступали на разстояніи пяти верстъ до сел. Малый Памачъ, гдѣ, занявъ позицію, открыли было сильный пушечный и штуцерной огонь, но цѣпь каша, подъ командою храбраго подполковника Циммермана, ударила въ штыки, и непріятель, бросивъ три орудія, пустился въ бѣгство. Порядокъ въ рядахъ враговъ исчезъ; все обратилось въ нестройную толпу, и широкія поля за сел. Памачъ,—покрылись бѣгущими...

Въ славномъ дѣлѣ подъ Ахалцыхомъ, храбрыми нашими войсками взято: 12 орудій съ зарядными ящиками; 5 большихъ и 12 ротныхъ знаменъ, 6 значковъ, 2 артиллерійскіе парка, 42 боченка пороха и 160,000 патроновъ. Кромѣ того множество оружія, аммуниціи, лошадей; огромные запасы муки, ячменя и проч.

Непріятель потерялъ убитыми 1500 человѣкъ, ранеными до 2000; въ плѣнъ взято 120 человѣкъ.

Императоръ Николай I-й, за побѣду подъ Ахалцыхомъ, пожаловалъ кн. Андроникову орденъ св. Георгія 3 степени; генераламъ Фрейтагу и Бруннеру — св. Станислава 1 степени; многіе штабъ и оберъ-офицеры удостоены были полученіемъ ордена св. Георгія 4 ст. Нижніе чины получили по 10 знаковъ военнаго ордена на каждую роту, баттарею и дивизіонъ казаки и милиціонеры—соразмѣрно съ пѣхотою, и всѣ вообще—по рублю сер. на человѣка. За отличные же подвиги, оказанные батальонами: Брестскаго, Виленскаго и Бѣлостокскаго полковъ и легкою № 2-го баттареей 13 артиллерійской бригады, всемилостивѣйше пожалованы означеннымъ батальонамъ Георгіевскія знамена, съ надписью: „за пораженіе турокъ 14 ноября 1853 г. при Ахалцыхѣ“, а баттареѣ — серебряныя трубы, съ такою же надписью.

Извѣстіе о славной побѣдѣ кн. Андроникова дошло до Александропольскаго отряда кн. Бебутова и еще болѣе воодушевило войска, ожидавшія съ нетерпѣніемъ случая помѣряться съ врагомъ въ рукопашномъ бою. 18-го числа ноября кн. Бебутовъ узналъ, что турецкій корпусъ расположенъ лагеремъ при сел. Башъ-Кадыкъ-Лара. Число непріятельскаго войска доходило до 30,000, но князь, не смотря на эту многочисленность, рѣшился напасть и нанести туркамъ окончательное пораженіе. Собравъ весь от-

рядъ, то есть $12^1/_2$ батальоновъ, 40 орудій, 16 сотенъ иррегулярной кавалеріи и одинъ полкъ драгунъ, онъ приказалъ палатки и лишнія тяжести отправить въ Александрополь и приготовиться къ бою. Полки молча строились въ ночной темнотѣ, слабо освѣщаемые догоравшими кострами бивуаковъ...

Начало свѣтать. Небольшой морозъ бодрилъ солдатъ, напоминая имъ далекую родину. Небо было чисто; вершины горъ рѣзко обозначались на ясномъ небосклонѣ и Саганлугскій хребетъ, въ свѣтлое осеннее утро 19-го ноября, блисталъ яркими цвѣтами, величаво возвышаясь надъ всею окружающею мѣстностью. Кн. Бебутовъ объѣхалъ ряды и поздравилъ войска съ побѣдою при Ахалцыхѣ,—громкое живѣйшее „ура“ огласило свѣжій утренній воздухъ и отрядъ бодро и весело двинулся впередъ.

Войска перешли р. Карсъ-чай. Впереди, на обширной равнинѣ, окруженной съ трехъ сторонъ горами, виднѣлись турецкіе полки. Непріятель зналъ о наступленіи отряда кн. Бебутова, но, надѣясь на свою силу, даже не занялъ деревни Угузлы, лежавшей прямо на пути русскихъ. Главнокомандующій турецкою арміею, Рейсъ-Ахметъ-паша, вполнѣ увѣренный, что разобьетъ безъ труда малочисленный нашъ отрядъ, приказалъ своимъ солдатамъ запастись веревками, для того, чтобы связавъ русскихъ плѣнныхъ, генераловъ и офицеровъ, отправить ихъ въ Константинополь.

Князь Бебутовъ поставилъ всю пѣхоту и артиллерію въ центрѣ своего отряда, прикрылъ фланги кавалеріей, и въ такомъ боевомъ порядкѣ отрядъ занялъ позицію у деревни Угузлы. Рейсъ-Ахметъ-паша думалъ воспользоваться превосходствомъ своихъ силъ и окружить русскихъ со всѣхъ сторонъ; обходныя колонны враговъ направлялись на наши фланги, а съ фронта ихъ баталь-

оны шли стройно, съ развернутыми знаменами и музыкой. Переднія линіи нашего отряда также подвигались впередъ неколебимо и стройно, какъ на ученьѣ, — и на боевой равнинѣ, разстилавшейся между двумя враждебными сторонами, слышалась только одна военная музыка русскихъ и турецкихъ полковъ...

Вдругъ 30 орудій съ праваго турецкаго фланга грянули оглушительнымъ залпомъ. Обѣ наши баттарейныя баттареи отвѣтили такъ удачно, что чрезъ нѣсколько минутъ взлетѣли на воздухъ два турецкихъ зарядныхъ ящика, и наши войска встрѣтили этотъ успѣхъ, какъ предвѣстіе побѣды: громкое „ура“ прокатилось по всей боевой линіи... Началась сильная кононада. Ядра и гранаты безпрерывно разрывались въ срединѣ батальоновъ. Кавказскіе полки стояли твердо, молча, и не болѣе какъ черезъ часъ послѣ первыхъ выстрѣловъ, — бой уже кипѣлъ на протяженіи трехъ верстъ и врагъ повсюду испытывалъ стойкость и силу русскую...

Князь Бебутовъ приказалъ аттаковать непріятельскія баттареи одновременно четырьмя батальонами. Генералъ-маіоръ князь Багратіонъ-Мухранскій свернулъ батальоны въ колонну и стройно повелъ ихъ на главную баттарею враговъ. Князь Мухранскій, на бѣломъ конѣ, ѣхалъ шагомъ, впереди двухъ батальоновъ Эриванцевъ, за нимъ кн. Орбеліани велъ семь ротъ гренадеръ Грузинскаго полка. Ядра, гранаты и картечь облили, какъ дождемъ, храбрецовъ-кавказцевъ. Подведя колонну на ружейный выстрѣлъ къ баттареѣ, кн. Мухранскій обратился къ солдатамъ: „Эриванцы!“ сказалъ онъ, „полкъ вашъ существуетъ уже болѣе 200 лѣтъ, но у васъ еще нѣтъ георгіевскихъ знаменъ. Эти знамена, ребята, на турецкой баттареѣ. Дастъ Богъ, вы при мнѣ заслужите и

это новое отличіе! Снимите шапки, братцы, перекреститесь!“

Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, Эриванцы бросились впередъ, — картечь врѣзалась въ ряды аттакующихъ...

Много выбыло изъ рядовъ, но оставшіеся въ живыхъ храбрецы мгновенно были на баттареѣ. Тогда штыки скрестились и начался рукопашный бой... Ничто не могло противостоять дружной аттакѣ Эриванцевъ: орудія были взяты съ боя и на баттареѣ развилось русское знамя, прострѣленное въ девяти мѣстахъ.

Не отстали въ храбрости эриванцамъ и отважные гренадеры Грузинскаго полка, подъ командою безстрашнаго своего командира кн. Орбеліани. Раненый уже пулею въ руку, онъ оставался впереди рядовъ, громко ободряя солдатъ. Съ крикомъ „ура“, гренадеры бросились въ свою очередь на баттарею,— произошла кровопролитная схватка, въ которой кн. Орбеліани былъ смертельно раненъ пулею въ грудь на вылетъ. Гренадеры, потерявъ своего полковаго командира и большую часть офицеровъ, начали отступать, отбиваясь мужественно штыками... Князь Бебутовъ немедля двинулъ къ нимъ на помощь изъ резерва три роты Эриванцевъ, взводъ артиллеріи и поспѣшилъ самъ, чтобъ ободрить утомленныхъ гренадеръ. „Такъ, братцы, такъ“, сказалъ онъ, подскакавъ къ нимъ, „заманивайте ихъ, заманивайте, а теперь снова пора впередъ, — ура!“ Гренадеры построились и мгновенно перешли въ наступленіе. Въ это время на правомъ флангѣ и въ тылу турокъ раздались молодецкіе побѣдные „ура“ драгунъ и линейцевъ, и въ дыму выстрѣловъ замелькали значки генерала Багговута.

Въ то время, какъ князь Чавчавадзе, съ шестью эскадронами драгунъ бился съ цѣлымъ отрядомъ турокъ, прикрывая нашъ правый флангъ, генералъ Багговутъ, опрокинувъ обходившую насъ слѣва турецкую кавалерію и курдовъ, въ самую рѣшительную минуту сраженія, обогнувъ оврагъ, смѣло перенесся черезъ рѣчку, и выдвинувъ въ 50 шагахъ отъ турецкаго каре дивизіонъ донской артиллеріи, послѣ нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ, кинулся съ драгунами и линейцами въ аттаку. Одновременный ударъ батальоновъ гренадерской бригады, и закаленныхъ въ бою драгунъ-нижегородцевъ, равно какъ и безстрашныхъ линейцевъ ген. Багговута, — рѣшили сраженіе въ нашу пользу: турки смѣшались, разстроились и вскорѣ все поле покрылось бѣгущимъ непріятелемъ. Къ $2^1/_2$ часамъ пополудни, бой прекратился на всѣхъ пунктахъ.

У турокъ отбито два лагеря съ военнымъ багажемъ, весь обозъ, 24 орудія*), 13 зарядныхъ ящиковъ, одно знамя, 13 значковъ и множество оружія. Вещей было оставлено непріятелемъ такъ много, что батальоны наши 20, 21 и 22 ноября едва могли небольшую часть доставить въ русскій лагерь: все остальное сожжено.

Турки оставили болѣе 1,500 тѣлъ на полѣ сраженія; вся же потеря ихъ убитыми, ранеными и разбѣжавшимися простиралась до 8,000. Съ нашей стороны убито 317 и ранено 926 человѣкъ.

---

*) Въ числѣ отбитыхъ орудій находилась и, такъ называемая, *красная пушка*,—мѣдное 3-хъ фунт. орудіе, на красномъ лафетѣ. Это орудіе было отлито въ 1853 г., по повелѣнію султана, съ особенными надписями и подарено войскамъ, какъ залогъ будущихъ побѣдъ надъ русскими.

Въ награду за побѣду при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ, кн. Бебутовъ получилъ орденъ св. Георгія 2 степ.; тѣмъ же орденомъ 3-й степени награждены генералы: князь Багратіонъ-Мухранскій и Чавчевадзе. Десять штабъ и оберъ-офицеровъ получили св. Георгія 4 степ. Нижнимъ чинамъ пожаловано по 10 знаковъ военнаго ордена на каждую роту, баттарею, дивизіонъ и казачью сотню, и всѣмъ вообще—по два рубля сер. на человѣка.

Послѣ сраженія, кн. Бебутовъ, простоявъ на бивакахъ у сел. Угузлы слѣдующія сутки, двинулся обратно къ Александрополю. Возвращеніе его было торжественно. Жители города, отъ мала до велика, вышли съ хоругвями и образами на встрѣчу побѣдителя. Въ городѣ гудѣли колокала и гремѣли салютные выстрѣлы съ крѣпости. Кн. Бебутова окружили несмѣтныя толпы народа, изъ котораго многіе, становясь на колѣни, молились, а другіе, припадая къ стремени княжескаго коня, цаловали его руки и ноги.

Такъ битвами подъ Ахалцыхомъ и Башъ-Кадыкъ-Ларомъ совершенно разстроена и частью уничтожена бы лсильная непріятельская армія, угрожавшая вторженіемъ въ наши закавказскія провинціи. Послѣ этихъ побѣдъ, мирные жители пограничныхъ селеній, въ продолженіи всей зимы 1853—1854 года не были тревожимы непріятелемъ: ни курды, ни баши-бузуки не осмѣлились нарушить общаго спокойствія порубежной страны.

До конца мая 1854 г., турки, разбитые на Кадыкларскихъ высотахъ, укрывались въ крѣпкомъ Карсѣ, не смѣя предпринять ничего противъ нашихъ войскъ, но подстрекаемые своими союзниками, англо-французами, они снова начали сосредоточиваться на нашихъ грани-

цахъ. Извѣстясь объ этомъ, кн. Андронниковъ приказалъ подполковнику кн. Эристову напасть на непріятеля у деревни Нигоити и разсѣять скопища баши-бузуковъ и регулярныя войска турокъ, въ числѣ 12,000 человѣкъ, — что и было блистательно исполнено 27 мая. Вслѣдъ за этою побѣдою, произошло пораженіе турокъ, 4-го іюня, при р. Чолокѣ, недалеко отъ г. Озургетъ, также подъ начальствомъ кн. Андронникова. Въ кровопролитномъ сраженіи при Чолокѣ отличился въ особенности генералъ Бруннеръ, разсѣявшій окончательно многочисленнаго непріятеля, имѣвшаго 34,000 человѣкъ, при 14-ти орудіяхъ. Потеря турокъ простиралась до 4,000; вся артиллерія, весь лагерь, 36 знаменъ и значковъ, также множество оружія остались въ рукахъ побѣдителей. Разбѣжавшійся турецкій корпусъ распространилъ въ окрестной странѣ вѣсть о своемъ гибельномъ пораженіи, ужасъ къ русскому оружію и храбрости нашихъ войскъ.

Ближайшимъ слѣдствіемъ блистательной побѣды генералъ-лейтенанта барона Врангеля на Чинглыльскихъ высотахъ 17-го іюля,—было занятіе нами г. Баязета. По совершенномъ разбитіи непріятельскаго корпуса, въ 15,000 человѣкъ, въ Баязетѣ, найдено: 3 орудія, одно знамя, огромные запасы пороха, $2^1/_2$ милліона патроновъ и громадное количество пшеницы, ржи, ячменя, крупы, муки, коровьяго масла проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ нанесенъ жестокій ударъ англійской торговлѣ съ Персіею. Караваны изъ Трапезунта въ Тавризъ ходятъ обыкновенно изъ Баязета: нѣсколько нашихъ казачьихъ сотенъ успѣли перехватить караванъ въ 2,325 лошадей и верблюдовъ, стоимость котораго простиралась болѣе милліона рублей серебромъ.

Въ окрестностяхъ Карса расположенъ былъ сильный 60-ти тысячный турецкій корпусъ, намѣревавшійся на-

пасть на нашъ отрядъ, стоявшій при дер. Кюрукъ-Дара, подъ начальствомъ кн. Бебутова. Узнавъ о намѣреніи непріятеля, князь тотчасъ же приказалъ убрать лагерь и всѣ тяжести въ вагенбургъ, оставилъ при немъ прикрытіе, а самъ съ отрядомъ, въ числѣ 18-ти тысячъ двинулся на встрѣчу туркамъ.

Въ 5 часовъ утра 24-го іюля полки наши выстроились на широкой долинѣ; мѣстность была ровная, безъ опорныхъ пунктовъ, кромѣ горы Караяла, на скатахъ которой и за самою горою расположилась часть непріятельскаго корпуса. Растяженіе же всей турецкой арміи, по огромной дугѣ, было не менѣе восьми верстъ.

Князь Бебутовъ приказалъ генераламъ Багговуту и Бѣлявскому отбить войска, стоявшія у подошвы горы Караяла, и тѣмъ разстроить правый флангъ непріятеля. Тверской драгунскій полкъ *) двинулся въ атаку на главную турецкую баттарею. Драгуны шли молча, безъ „ура“, равняясь подъ картечью, какъ на ученьѣ, и потомъ безстрашно кинулись въ атаку, — турки не выдержали молодецкаго натиска: батальоны, прикрывавшіе ихъ баттареи, были отброшены, артиллеристы изрублены.

Стремительная атака драгунъ заставила турокъ двинуть на насъ три штуцерные батальона съ артиллеріею, и своихъ уланъ. Турки бросились впередъ съ рѣдкою отвагою и ихъ стрѣлки сыпали дождемъ коническія пули въ наши колонны,—онѣ заколебались.... Закаленный въ бояхъ Нижегородскій драгунскій полкъ поправилъ дѣло: 6 эскадроновъ полка ринулись на всю линію непріятельскихъ штуцерныхъ батальоновъ и попятили ее назадъ. Въ то же время дивизіонъ донской артиллеріи, на всемъ

*) Имени его императорскаго высочества Николая Николаевича Старшаго.

карьерѣ промчавшись мимо драгунъ, снялся съ передковъ и ударилъ картечью въ батальоны турецкихъ штуцерныхъ; драгуны врубились снова въ ряды непріятеля; два баталіона Бѣлевскаго и Тульскаго полковъ, безъ выстрѣла, смѣло ударили въ штыки на враговъ. Еще въ послѣдній разъ помчались молодцы-драгуны въ атаку уже на разстроенную линію турокъ, и они, бросивъ шесть орудій, — отступили на всемъ своемъ правомъ флангѣ.

Когда кавалерійское дѣло было въ полномъ разгарѣ, кн. Бебутовъ двинулъ впередъ нашъ центръ, подъ начальствомъ храбраго генерала Бриммера. Гренадеры и карабиперы съ тремя батарейными баттареями, спустились въ лощину и стали на позицію въ 450-ти саженяхъ отъ непріятеля. Послѣ получасовой канонады, наши боевыя линіи двинулись снова впередъ. Турки сосредоточили огонь всѣхъ орудій и штуцерныхъ своего центра на наступающія наши колонны, которыя отважно шли подъ настоящимъ дождемъ изъ чугуна и свинца. Въ 250-ти саженяхъ баттареи снялись съ передковъ,—и ядра и гранаты понеслись въ самую середину турецкихъ баталіоновъ... Рѣшившись прорвать непріятельскій центръ, генералъ Бриммеръ и кн. Барятинскій двинули могучія колонны еще болѣе впередъ... Здѣсь семь нашихъ батальоновъ должны были сломить двадцать турецкихъ. Баттареи снялись съ передковъ только въ 70-ти саженяхъ и начали громить непріятельскія батальоны картечью, но турки непоколебимо выдержавъ этотъ смертоносный огонь, съ гикомъ всею массою ринулись на нашихъ, — штыки скрестились. Съ безстрашіемъ и непоколебимымъ мужествомъ батальоны наши врѣзывались въ густо сплоченныя массы непріятельскихъ колоннъ и безпримѣрною храбро-

стью заставили турокъ пятиться шагъ за шагомъ и, наконецъ, обратиться въ совершенное бѣгство... Итакъ семь нашихъ геройскихъ батальоновъ, безъ всякой кавалеріи, сломили двадцать лучшихъ турецкихъ, поддерживаемыхъ 40 орудіями и многочисленною кавалеріею. Центру непріятеля нанесенъ былъ рѣшительный ударъ.

Между тѣмъ лѣвый флангъ турокъ занятый многочисленными толпами баши-бузуковъ, бедуиновъ, регулярною кавалеріе. и двумя бататреями, началъ тѣснить и обходить оконечность нашего праваго фланга, надѣясь сбить его и обойти съ тыла. Князь Андроникovъ, командовавшій милиціей, и три сотни линейцевъ, мужественно сдерживали напоръ непріятеля. Подоспѣвшій на помощь генералъ Багговутъ, съ 6-ю ротами Ряжскаго полка и сводно-линейнымъ батальономъ, выдвинулъ впередъ конно-ракетныя команды. Пущенныя ракеты шипя и свистя между лошадьми, навели ужасъ на нестройныя массы баши-бузуковъ, — они отхлынули. Тогда генералъ Багговутъ сказалъ войскамъ своимъ: „ребята, лѣвый флангъ нашъ и центръ побѣдили; теперь очередь за нами,—ура батюшкѣ-царю!“ „Ура!“ пронеслось по боевому полю,—и три сотни линейцевъ, три сотни донцевъ, поддерживаемые дивизіономъ драгунъ, врѣзались въ толпы турокъ. Вся масса непріятельской иррегулярной кавалеріи обходившая нашъ флангъ, была опрокинута и бросилась въ разсыпную. Пользуясь этою минутою, кн. Бебутовъ, принявъ подъ свое начальство батальоны Тульскаго полка, одну легкую баттарею, два дивизіона драгунъ и дивизіонъ донской баттареи, ударилъ на лѣвое крыло непріятеля. Атака была ужасна и рѣшительна. Драгуны опрокинули все на своемъ пути. Казаки, Грузинская дружина и мусульманскіе конники устлали непріятельскими трупами весь скатъ

горы, топтали и рубили въ-волю бѣгущія толпы непріятеля... Только въ первомъ часу прекратилось преслѣдованіе, по совершенной усталости людей и лошадей. Кровавый бой при Кюрукъ-Дара кончился, и 60-ти тысячная турецкая армія была разбита 18-ти тысячнымъ русскимъ отрядомъ.

Побѣдителямъ достались 15 орудій съ 16-ю зарядными ящиками, 2 знамя, 4 штандарта, 20 значковъ, множество оружія, барабановъ и 2,018 плѣнныхъ. Потеря турокъ убитыми и ранеными простиралась до 10,000 человѣкъ, и, кромѣ того, 12,000 баши-бузуковъ разбѣжалось.

За побѣду при Кюрукъ-Дара князь Бебутовъ получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго; кн. Барятинскій и начальникъ артиллеріи кавказскаго корпуса генералъ Вриммеръ—св. Георгія 3 степени.

Въ концѣ 1854 года, былъ назначенъ намѣстникомъ кавказскимъ и главнокомандующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи Н. Н. Муравьевъ 1, а командовавшему до того времени дѣйствующимъ корпусомъ, кн. Бебутову, было ввѣрено, на случай отсутствія главнокомандующаго, — управленіе всею кавказскою линіей и Закавказьемъ, какъ по военной такъ и по гражданской части, на особыхъ правахъ, утвержденныхъ Государемъ.

Тяжелыя потери, понесенныя турками въ кровопролитныхъ битвахъ на закавказско-турецкой границѣ, ослабили ихъ силы до того, что послѣ пораженія при Кюрукъ-Дара, 24-го іюля 1854 года, они наступательныхъ дѣйствій не предпринимали; между тѣмъ побѣдоносный кавказскій корпусъ двинулся за турецкую границу. Главныя силы, въ $21^1/_2$ батальона, 28 эскадроновъ, 49 конныхъ сотенъ

и 10 баттарей, всего въ числѣ 24,500 съ 76-ю орудіями подъ личнымъ начальствомъ генерала Муравьева, 18-го іюля 1855 г., совершенно обложили сильную турецкую крѣпость Карсъ. Всѣ пути сообщенія непріятеля съ окрестными селеніями были отрѣзаны такъ, что транспорты и обозы, слѣдовавшіе въ крѣпость съ продовольствіемъ для гарнизона, были перехватываемы нашими летучими отрядами и разъѣздами.

Такимъ образомъ карскій гарнизонъ, въ 30,000 человѣкъ, былъ совершенно запертъ въ крѣпости, но турки, руководимые англійскимъ генераломъ Виліамсъ-пашею и другими многими иностранными офицерами, рѣшились защищаться до послѣдней крайности, тѣмъ болѣе, они надѣялись на скорую помощь и неприступность самой крѣпости.

Главнокомандующій генералъ Муравьевъ, во избѣжаніе кровопролитія, рѣшился принудить турокъ къ сдачѣ—голодомъ. Блокада длилась уже около четырехъ мѣсяцевъ. Наши разъѣзды постоянно приводили плѣнныхъ и потери непріятеля увеличивались съ каждымъ днемъ, но генералъ Виліамсъ убѣждалъ гарнизонъ не сдаваться и постоянно обнадеживалъ скорымъ прибытіемъ подкрѣпленія. Дѣйствительно, въ началѣ сентября турки начали усиливаться въ окрестностяхъ г. Батума, съ намѣреніемъ произвести одновременное движеніе въ Гурію и къ Ахалцыху, и также отъ Эрзеруму—къ Карсу.

Генералъ Муравьевъ, съ согласія военнаго совѣта, рѣшился до прибытія подкрѣпленія къ крѣпости отъ Эрзерума— атаковать Карсъ: штурмъ назначенъ былъ 17-го сентября.

Въ 4 часа утра штурмовыя колонны двинулись въ примѣрномъ порядкѣ; къ сожалѣнію, почти при самомъ

началѣ атаки, многіе изъ главныхъ и младшихъ начальниковъ войскъ были убиты или ранены, общая связь дѣйствій разстроилась и всѣ неимовѣрныя усилія начальниковъ частей были тщетны. Генералъ Муравьевъ, замѣтя неуспѣхъ штурма, приказалъ отступать. Неустрашимые кавказскіе полки, подъ убійственнымъ огнемъ, кололи и рубили турокъ, выбивавшихъ ихъ изъ укрѣпленій и редутовъ и, наконецъ, оказавъ подвиги истиннаго мужества и самоотверженія, — отступили отъ твердынь карскихъ...

Уронъ нашъ въ этомъ кровопролитномъ штурмѣ, выбывшими изъ строя, ранеными, контуженными и убитыми, состоялъ изъ 6,517 человѣкъ. Потеря непріятеля также значительна; не смотря на то, что турки, находились въ укрѣпленной позиціи, уронъ ихъ простирался до 4,000 человѣкъ, заколотыхъ большею частію штыками. Изъ числа 23-хъ орудій, взятыхъ нами, привезено 4; остальные заклепаны; кромѣ того отбито 14 разныхъ знаменъ и значковъ.

Войска наши, послѣ неудачнаго штурма, снова стали по своимъ прежнимъ мѣстамъ, и блокада Карса пошла прежнимъ порядкомъ: летучіе отряды наши и разъѣзды вновь начали, ежедневно, захватывать плѣнныхъ турокъ на фуражировкахъ и выбѣгавшихъ изъ крѣпости. Всѣ плѣнные на видъ были истощены голодомъ. Бѣдствія гарнизона увеличивались ежечасно; по разсказамъ перебѣжчиковъ раздача мяса была уже давно прекращена и суточная порція солдата состояла изъ небольшаго пшеничнаго хлѣбца, вѣсомъ до $^{3}/_{4}$ фунта, да горсточки риса. Кавалеріи въ Карсѣ давно уже не существовало; большая часть ея

погибла отъ недостатка фуража лошадямъ; много коней было перерѣзано и пошло въ пищу *).

13-го ноября 1855 г., въ 11 часовъ утра посланы были два офицера съ десятью линейными казаками, для встрѣчи Виліамса-паши, выѣхавшаго изъ Карса въ нашъ лагерь для переговоровъ съ главнокомандующимъ.

Представляясь генералу Муравьеву, Виліамсъ объяснилъ, что онъ защищалъ Карсъ до послѣдней возможности, но что гарнизонъ изнемогъ отъ голода, и въ день умираетъ до 150 человѣкъ отъ изнуренія силъ, — помощи и освобожденія ждать не откуда Объяснивъ положеніе Карса, Виліамсъ просилъ назначить общія условія сдачи крѣпости. Условія же со стороны турокъ были таковы: 1) отпустить нѣсколько венгерцевъ и другихъ иностранцевъ, бывшихъ въ рядахъ карской арміи **), 2) отдать арміи военную честь и 3) офицерамъ сохранить шпаги и, кромѣ того, отпустить редифъ (ополченіе) по домамъ. Главнокомандующій, изъявивъ согласіе на эти условія, приказалъ также включить отъ себя, что турецкая армія сдается военноплѣнною и крѣпость Карсъ должна быть сдана русскимъ войскамъ со всѣмъ вооруженіемъ и имуществомъ. Виліамсъ-паша подписалъ эти условія.

Турецкихъ войскъ въ Карсѣ оказалось только 16,000 человѣкъ, съ больными въ госпиталяхъ и съ редифомъ (ополченіемъ)

---

*) Въ Карсѣ было особенное конское кладбище, гдѣ зарыто было до 2,500 зарѣзанныхъ и павшихъ лошадей.

**) Такихъ лицъ, венгерцевъ, поляковъ и другихъ оказалось десять. Бывшій въ числѣ ихъ, Измаилъ-паша (Кметти) и Фазли-паша (Кольманъ), успѣли убѣжать изъ Карса.

16-го ноября, съ утра, войска наши построились за р. Карсъ-чаемъ; солдаты были въ полушубкахъ и амуниціи; офицеры—въ сюртукахъ. Въ часъ прибыли въ нашъ лагерь англичане и съ ними Муширъ Вассифъ-паша, главнокомандующій анатолійскою арміею. Наконецъ все было готово къ сдачѣ, и турецкая армія, покинувъ Карсъ, выстроилась на равнинѣ предъ русскою. Генералъ Муравьевъ, объѣхалъ ряды нашихъ полковъ, при побѣдныхъ крикахъ „ура“, приблизился къ турецкимъ войскамъ. На встрѣчу ему выѣхалъ Керимъ-паша, и на вопросъ: „гдѣ же ключи города?“ отвѣчалъ: „ихъ нѣтъ!“ На требованіе съ нашей стороны списковъ и вѣдомостей турецкіе начальники отвѣчали: „за чѣмъ вамъ они? Войско, оружіе, запасы и весь Карсъ съ обывателями—все ваше. Берите и считайте сами!“

Тогда изъ непріятельскихъ рядовъ вышли одновременно двѣнадцать офицеровъ: каждый изъ нихъ несъ шелковое знамя, испещренное священными надписями и богато украшенное кистями. Знаменщики остановились передъ русскимъ главнокомандующимъ. Карабинерная рота Тульскаго полка, съ музыкою, и 24 унтеръ-офицера, выступила впередъ для принятія знаменъ. Музыка заиграла и радостное, побѣдное „ура“ русскихъ полковъ загремѣло по равнинѣ. Нѣкоторые полковые командиры съ тяжелымъ горемъ разставались со своими знаменами, плакали и цаловали ихъ...

Затѣмъ генералъ Муравьевъ, вмѣстѣ съ Вассифомъ-пашею, въѣхалъ въ линію турецкихъ батальоновъ и привѣтливо поговоривъ, по-турецки, съ нѣсколькими изъ начальниковъ, пригласилъ всѣхъ плѣнныхъ къ заранѣе приготовленному обѣду, изъ щей съ говядиною и каши, наваренныхъ въ громадномъ количествѣ въ котлахъ, на

берегу Карсъ-чая. Турки толпами хлынули къ котламъ и многіе, понасытившись вдоволь, не могли и подняться съ мѣста были и такіе, которые, поѣвъ съ-голоду не въ мѣру,—умерли послѣ сытнаго обѣда.

На другой день, рано утромъ, взвился надъ цитаделью русскій флагъ и торжественно грянулъ первый нашъ выстрѣлъ въ Карсѣ. За нимъ раздались выстрѣлы изъ артиллерійскихъ орудій въ крѣпости, засверкали они и на Шорахскихъ высотахъ, и среди облаковъ густаго дыма долго гремѣли побѣдные выстрѣлы и перекатывалось звучное „ура“ всюду, гдѣ только стояли русскіе полки, занявшіе карсскіе твердыни.

Съ покореніемъ Карса изчезла Анатолійская армія, число которой, въ началѣ похода, простиралось до 30,000 человѣкъ. Изъ нихъ, въ теченіе лѣта, взято въ плѣнъ до 2,000; до 3,000 успѣло убѣжать; 8,500 погибло на штурмѣ, отъ голода и болѣзней; болѣе 2,000 осталось въ карсскихъ госпиталяхъ; 6,500 редифа отпущено домой и 8,000 сдалось военно-плѣнными. Въ числѣ ихъ 12 пашей и 665 штабъ и оберъ-офицеровъ. Знаменъ и значковъ, при сдачѣ Карса взято 60; орудій 136; ружей 18,000 и, кромѣ того, 1000 отличныхъ штуцеровъ, и нѣсколько тысячъ различнаго кавалерійскаго оружія. Въ Карсѣ найдено: зарядныхъ и патронныхъ ящиковъ 1,225; съ боевыми снарядами—1,956; бомбъ и гранатъ 830; готовыхъ снарядовъ до 1000 и шесть милліоновъ ружейныхъ патроновъ. Пороха взято до 20,000 пудовъ.

Карсъ палъ 16-го ноября 1855 года и послѣ того военныя дѣйствія на закавказско-турецкой границѣ уже не возобновлялись.

Главнокомандующій, генералъ Н. Н. Муравьевъ, за

взятіе этой грозной твердыни Малой Азіи, получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени.

Послѣ славнаго Синопскаго боя, 18-го ноября 1853 года, западныя державы, считая себя оскорбленными морскою побѣдою въ виду ихъ флаговъ, открыто объявили себя союзниками Турціи,—и англо-французскій флотъ вступилъ на зимовку въ Константинополь.

Зима прошла въ безуспѣшныхъ переговорахъ, и 9-го февраля 1854 г. послѣдовалъ Высочайшій манифестъ объ объявленіи войны съ Англіею и Франціею, въ которомъ въ заключеніи сказано: „Да познаетъ же все христіанство, что какъ мыслитъ Царь Русскій, такъ мыслитъ, такъ дышетъ съ Нимъ вся русская семья—вѣрный Богу и Единородному Сыну Его, искупителю нашему Іисусу Христу, православный народъ. За вѣру и христіанство подвизаемся, — съ нами Богъ, никто же за ны“!

Прочтя этотъ памятный манифестъ, вся Россія, какъ одинъ человѣкъ, отозвалась на зовъ Государя, и все русское горячо рванулось на брань за Вѣру, Царя и Отечество.

УсловіяУнкіаръ-Скелесскаго договора, 1833 года, по которымъ Порта обязалась не дозволять никакимъ иностраннымъ военнымъ кораблямъ входить въ Черное море, были нарушены: англо-французскій флотъ показался въ виду нашихъ южныхъ береговъ, а въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, на сѣверѣ, непріятельская эскадра уже жгла и грабила города и селенія береговыхъ жителей по Балтійскому

морю. 10-го апрѣля, въ день Свѣтлаго Воскресенія, англо-французскій флотъ бомбардировалъ Одессу, но осыпавъ этотъ мирный торговый городъ множествомъ снарядовъ, непріятель отступилъ съ урономъ, благодаря геройской защитѣ нашихъ береговыхъ баттарей. Въ іюнѣ мѣсяцѣ союзныя эскадры появились и у береговъ Бѣлаго моря,—на крайнемъ сѣверѣ, и въ Охотскомъ морѣ, у Камчатки,—на дальнемъ востокѣ, все для одной и той же цѣли: разрушать и жечь наши военныя и морскія, торговыя и промышленныя учрежденія.

Такъ прошло лѣто. На Черномъ морѣ не было никакихъ непріязненныхъ дѣйствій.

Къ этому времени, сухопутныя силы союзниковъ сосредоточились въ турецкой крѣпости Варнѣ. Главнокомандующіе союзной арміей хорошо знали, что наши войска отъ Крыма далеко, что дороги въ южной части Россіи неудобны для передвиженія войскъ, тѣмъ болѣе для доставленія вообще военныхъ потребностей къ Севастополю,—и потому рѣшились напасть на этотъ городъ.

1-го сентября 1854 г., въ десятомъ часу утра, изъ Севастополя увидѣли на горизонтѣ два непріятельскія корабля, а за ними густой дымъ отъ большаго числа пароходовъ, — то былъ дессантъ союзниковъ въ 65 тысячъ пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи. Флотъ ихъ изъ 600 разныхъ судовъ, кораблей, фрегатовъ, пароходовъ и транспортовъ, со всѣми боевыми, съѣстными припасами и тяжестями для войскъ, высадилъ ихъ на Крымскій берегъ близъ г. Евпаторіи, въ 50-ти верстахъ отъ Севастополя,—цѣли всѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствій союзниковъ.

Послѣ Альмскаго сраженія, гдѣ 33,600 русскихъ упорно бились четыре часа съ непріятелемъ вдвое сильнѣйшимъ (62,225 чел.), который, кромѣ численности,

имѣлъ перевѣсъ надъ нами въ вооруженіи,—союзники обложили Севастополь.

Осада Севастополя, или, вѣрнѣе сказать, 11-ти мѣсячный безустанный бой, гдѣ русскіе солдаты всѣхъ полковъ, бывшихъ при оборонѣ этого города, по-истинѣ заслужили имя „героевъ-севастопольцевъ“,—окончилась занятіемъ союзниками, послѣ штурма 27-го августа 1855 года, только однѣхъ окровавленныхъ развалинъ нашихъ бастіоновъ и вѣчнопамятнаго Малахова кургана...

Оборона Севастополя, въ лѣтописяхъ русской славы, занимаетъ самое почетное мѣсто, и другой, подобной доблестной защиты, въ исторіи новѣйшихъ войнъ—не представляется.

Государь Императоръ, получивъ донесеніе объ оставленіи Севастополя войсками, сказалъ: „Есть невозможное и для героевъ“!

Обратимся теперь снова къ „дѣламъ нашимъ съ турками“.

Союзники, вполнѣ убѣдившись въ неспособности этихъ азіатовъ къ войнѣ, ведомой по всѣмъ правиламъ военной науки, при осадѣ Севастополя вовсе не употребляли ихъ для военныхъ дѣйствій, а смотрѣли на турокъ, какъ на вьючныхъ животныхъ, годныхъ только для того, чтобъ переносить англо-французамъ изъ Балаклавы снаряды, провизію и другія тяжести.

Во все время осады Севастополя союзниками, дѣйствія наши противъ турокъ происходили подъ г. Евпаторіей. Городъ этотъ расположенъ на косѣ, а съ юго-запада находится море. Высаженныя въ Евпаторію турецко-египетскія войска значительно увеличили числительность непріятеля уже находившагося въ этомъ городѣ, — нужно было узнать: сколько турецкихъ войскъ въ Евпаторіи, и

нельзя-ли ихъ выбить оттуда. Для этой развѣдки посланъ былъ генералъ Хрулевъ.

Подойдя къ Евпаторіи 5-го февраля 1855 года, отважный генералъ Хрулевъ, въ 250-ти саженяхъ отъ города, открылъ сильнѣйшій перекрестный артиллерійскій огонь. Непріятель отвѣчалъ жестокою канонадой, но не смотря на ядра, картечи и пули, батальоны Азовскаго пѣхотнаго полка и греческіе волонтеры подошли къ самому городу. Генералъ Хрулевъ, удостовѣрясь, что въ Евпаторіи находится до 40,000 непріятельскаго войска, при ста орудіяхъ, приказалъ своему отряду отступить,— что и было исполнено нашими войсками въ примѣрномъ порядкѣ. Въ дѣлѣ подъ Евпаторіей мы потеряли до 500 человѣкъ выбывшими изъ строя, уронъ непріятеля былъ несравненно значительнѣе, потому что войска его, стѣсненныя въ узкихъ улицахъ города, долго находились подъ мѣткими выстрѣлами нашихъ орудій, пронизывавшихъ ихъ густыя толпы не только ядрами, но даже и картечью. Турки потеряли болѣе 1,000 убитыми и столько же ранеными.

Дѣло подъ Евпаторіей 21-го февраля также закончилось для насъ блестящимъ успѣхомъ. Толпы баши-бузуковъ, выйдя изъ города, стремительно аттаковали центръ и лѣвый флангъ нашихъ аванпостовъ; казаки, занимавшіе передовую цѣпь, желая завлечь непріятеля отступили. Начальникъ аванпостовъ, подполковникъ Никорица, приказалъ уланамъ Новомиргородскаго полка ударить на непріятеля съ фронта, между тѣмъ какъ три сотни донцевъ атаковали турецкую конницу съ лѣваго фланга. Одновременно съ этою атакою, эскадронъ уланъ съ сотнею донцевъ, пройдя скрытно по лощинѣ, внезапно бросился на правый флангъ непріятельской кавалеріи. Бы-

строта и совокупность единовременной съ трехъ сторонъ атаки вскорѣ покончили дѣло: опрокинутый на всѣхъ пунктахъ дружнымъ натискомъ, непріятель смѣшался и въ безпорядкѣ бѣжалъ къ Евпаторіи, преслѣдуемый уланами и казаками на разстояніи болѣе трехъ верстъ. Все это пространство, какъ и самое поле битвы, усѣяно было непріятельскими тѣлами.

Дѣло Сакскаго авангарда, 15-го мая, замѣчательно по удали и молодечеству нашихъ драгунъ и казаковъ. Полковникъ графъ Канкринъ, начальникъ авангарда, занимавшаго селенія Сакъ и Тузлы, вызвалъ охотниковъ на ночную рекогносцировку противъ восточной стороны г. Евпаторіи, съ цѣлью „достать языка". 60 казаковъ и 44 драгуна тотчасъ изъявили готовность принять участія въ молодецкомъ дѣлѣ.

Настала темная туманная ночь, но такъ какъ мѣстность была знакома хорошо нашимъ удальцамъ, то они быстро двинулись впередъ, по приморской косѣ отъ селенія Сакъ, къ Евпаторіи. Къ полуночи, не встрѣтивъ на пути своемъ ни секретовъ, ни патрулей, они уже были передъ турецкимъ редутомъ. Мертвая тишина царствовала повсюду... Опасаясь попасть въ засаду, нѣсколько охотниковъ соскочили съ лошадей и припали ухомъ къ землѣ: какой-то глухой шумъ и конскій топотъ слышался за редутомъ. Казаки дали залпъ — все тоже молчаніе. Удальцы грянули еще разъ изъ ружей, — въ ту же минуту загремѣли барабаны и до 500 баши-бузуковъ длинною цѣпью разсыпались впереди, по флангамъ и даже заскакали нѣсколько въ тылъ нашимъ безстрашнымъ охотникамъ. Встрѣтивъ баши-бузуковъ дружнымъ огнемъ, они стали медленно, шагъ за шагомъ, отступать, вызывая тѣмъ непріятеля на преслѣдованіе, съ намѣреніемъ на-

вести его на главныя силы нашего авангарда. Турки нѣсколько разъ пытались прорваться въ середину отступавшихъ, но каждый разъ гибли на пикахъ казаковъ...

Когда уже начало свѣтать и туманъ сталъ подниматься, то можно было разсмотрѣть, что позади баши-бузуковъ находились массы непріятельскаго войска, изъ 20 эскадроновъ кавалеріи, при двухъ баттареяхъ, за которыми тянулась двумя колоннами пѣхота.

Главныя силы нашего отряда, назначеннаго для ночной рекогносцировки, подкрѣпленныя 8 эскадронами драгунъ и конно-легкой батареей *), подъ начальствомъ графа Канкрина, готовились перейти къ наступленію и баттарея наша гранатною картечью совершенно смяла и опрокинула баши-бузуковъ. Начался артиллерійскій огонь, продолжавшійся полтора часа.

Такъ какъ мѣстность была совершенно ровная и открытая, то непріятель, замѣтивъ подошедшія подкрѣпленія и передвиженія нашихъ войскъ, предупредилъ нашу атаку тѣмъ, что приказалъ отступить лѣвому флангу, а за нимъ и прочимъ боевымъ линіямъ къ морю, подъ прикрытіемъ большаго парохода и винтоваго корабля. Къ 8 часамъ утра, колонны непріятеля уже были снова за редутомъ, и наши войска должны были ограничиться однимъ наблюденіемъ.

Союзники, по занятіи южной стороны Севастополя, опасаясь, что чтобы войска наши, которымъ не предстояло особенной службы на сѣверной сторонѣ, не двинулись на его правый флангъ, усилили подкрѣпленіями войска Байдар-

*) Драгунскій его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича полкъ, и конно-легкая № 23 баттарея.

ской долины, такъ же точно и линіи Инкерманскую и Черной рѣки. 17-го и 25-го сентября непріятель произвелъ еще рекогносцировку въ окрестностяхъ Евпаторіи, гдѣ стоялъ семнадцати-тысячный турецко-египетскій корпусъ, за тѣмъ союзники начали готовиться къ зимовкѣ.

Начало холоднаго времени положило конецъ непріязненнымъ дѣйствіямъ и все остальное время, до заключенія перемирія прошло въ затишьѣ, изрѣдка прерываемомомъ стычками на аванпостахъ. 17-го февраля уполномоченные обѣихъ воюющихъ сторонъ въ Крыму, имѣли первое свиданіе на р. Черной у Каменнаго моста, и условились прекратить военныя дѣйствія, о чемъ въ тотъ же день отданы въ нашей и непріятельской арміяхъ надлежащія приказанія.

Хотя къ веснѣ 1856 года, имѣя подъ ружьемъ полуторамилліонную армію, мы могли бы встрѣтить врага на всякомъ изъ пунктовъ нашихъ границъ значительными силами, но были расположены заключить миръ, чтобъ прекратить бѣдствія войны, не обѣщавшей намъ никакихъ выгодъ.

18-го марта 1856 года подписанъ былъ въ Парижѣ мирный договоръ между Россіей съ одной стороны и Франціей, Англіей, Турціей, Сардиніей, Австріей и Пруссіей съ другой.

Главныя условія парижскаго трактата были таковы: 1) возвращеніе Россіею всѣхъ занятыхъ ея войсками земель и крѣпостей, принадлежащихъ оттоманской Портѣ; равно союзники и Турція отдаютъ обратно, города, порты и другія мѣста взятыя ими у русскихъ; 2) Султанъ обязывается даровать новыя права, улучшающія участь его

подданныхъ христіанскаго исповѣданія; 3) Черное море объявляется нейтральнымъ; входъ въ него открытъ торговымъ судамъ всѣхъ націй, исключая военныя суда всѣхъ державъ; Россія и Турція обязываются не заводить на берегахъ его никакого военно-морскаго арсенала; 4) проводится въ Бессарабіи новая пограничная черта, началомъ которой служитъ озеро Бурнасъ, потомъ Аккерманскій путь до Троянова вала, и далѣе вверхъ по р. Ялпуху до самаго Прута. Отъ этого пункта, вверхъ по этой рѣкѣ, прежняя между имперіями граница остается безъ измѣненія; 5) княжество валахское и молдавское, подъ верховною властью Порты, и при ручательствѣ всѣхъ договаривающихся державъ, будутъ пользоваться преимуществами и льготами коими пользовались; ни которой изъ ручающихся державъ не предоставляется исключительнаго надъ ними покровительства, и 6) ни Турція, ни Россія не могутъ содержать на Черномъ морѣ, каждая болѣе шести паровыхъ судовъ и по четыре легкихъ парусныхъ *).

Такъ окончилась наиболѣе стоившая въ новѣйшее время людьми и средствами Восточная война 1853—1856 года. Восточный вопросъ, развязку котораго какъ ни стараются отсрочить враги Россіи, рано или поздно долженъ быть конченъ во славу Креста Господня, а не въ пользу луны Магомета. Не успокоится мечь Россіи въ ножнахъ своихъ, пока народная честь ея и права христіанъ

*) Это тяжкое для Россіи обязательство потеряло свою силу, по желанію Государя Императора, 2-го мая 1871 года, когда уполномоченныя державы подписали трактатъ, уничтожающій ограничительныя статьи парижскаго трактата 1856 г., относящіяся до правъ Россіи въ Черномъ морѣ.

на Балканскомъ полуостровѣ не будутъ удовлетворены и утверждены незыблемо. И нынѣ по зову царскому, за благо братій-славянъ стонутъ поля Болгаріи отъ грома орудій и льется потоками кровь могучихъ полковъ нашихъ, изумляющихъ весь міръ безпримѣрными подвигами храбрости, — исполать-же тебѣ богатырская русская сила!..